

Глава 3. ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Общество и личность. Содержание личности

1. Формирование личности. Жизнь иногда ставит жестокие, но очень убедительные эксперименты. Широко известны истории детей, похищенных в раннем младенчестве дикими животными и долгое время проведенных в их окружении. Итог развития таких детей один – полноценными людьми, несмотря на интенсивные попытки их "очеловечивания", они так и не становились. Аналогична и судьба детей, которых, по каким-то причинам, растили в полном одиночестве вне нормального контакта с человеческим окружением. И наоборот, довольно многочисленны примеры, когда инвалиды, с детства ограниченные в возможности нормально видеть, слышать, передвигаться, становились полноценными членами общества.

Так воспитанники интерната для слепоглухонемых в Сергиевом Посаде получают не только аттестаты о среднем образовании, успешно работают, создают семьи. Некоторые - заканчивают вузы, защищают диссертации. Один из крупнейших астрофизиков современности англичанин С. Хокинг, с ранних лет, вследствие тяжелой неизлечимой болезни, практически не может двигаться, говорить. Он общается с миром только с помощью двух пальцев, нажимающих на клавиши компьютера, но все это не мешает ему быть отцом четырех очаровательных детей, активно участвовать в научной деятельности: он автор оригинальных идей и концепций, многих авторитетных публикаций, участник крупнейших конференций.

Такие примеры доказывают, что человек может стать полноценной личностью только будучи включенным в отношения и сотрудничество с себе подобными. Человек – существо социальное. Детеныш животного, рождается вполне подготовленным к существованию в этом мире. Родившийся же человек – самое беспомощное существо. Без поддержки других он не проживет и несколько часов. Но благодаря поддержке, прежде всего - родителей, благодаря общей и профессиональной подготовке, - он становится, фактически, самым могущественным существом на Земле, которому доступно преобразование окружающего мира и даже освоение космического пространства.

Личность – общественное существо, освоившее социальный опыт и способное к самостоятельному поведению.

Так же как тело человека формируется в лоне другого (матери), так и сознание человека пробуждается, формируется и развивается окутанное чужим сознанием, в реальных отношениях с другими людьми. Особую роль в этом процессе играют родители, в действиях, словах, отношении которых впервые обособливается и оформляется личность ребенка, расцениваются его действия и поступки. Впервые осмысленно ребенок начинает видеть мир и себя как бы глазами родителей и даже говорить о себе начинает именно в их интонациях: "моя ручка", "моя головка", "мне хочется баиньки"...

Современная психология придает все большее значение первым неделям жизни ребенка, даже - внутриутробному развитию, когда сознание ребенка еще не сформировалось, но он уже воспринимает доброжелательность или неприязнь к нему этого мира, в первую очередь родителей и особенно - матери. С человеческим сознанием буквально повторяется ситуация Чеширского кота из известной сказки Льюиса Кэрролла "Алиса в Стране Чудес", где сначала появлялась улыбка кота, а потом и сам кот. Так и человек - сначала воспринимает отношение к нему окружающих и только потом воспринимает само это окружение. Это с детства формирующее человека

извне отношение к нему на протяжении всей жизни формирует внутреннее "духовное тело" личности. Именно другие являются творцами человеческой души, сознания.

Формирование и содержание нашей личности определяется характером и содержанием нашей жизнедеятельности, в процессе которой и происходит *социализация* – усвоение личностью конкретного социального опыта, способствующее формированию и развитию сознания. И социальная культура накладывает отпечаток на весь наш внутренний мир, мышление и поведение, взгляды и интересы. Этот путь формирования и развития личности - путь ее социализации – выдающийся отечественный психолог Л.С. Выготский называл процессом "вращивания" социального в индивидуальную психику. Усвоенные индивидом программы социально-культурной деятельности становятся основой осмысления им действительности. При этом особую роль играют те программы поведения, с которыми мы сталкиваемся на самых ранних этапах своей жизни и которые осваиваем еще бессознательно. Все другие нормы и образцы поведения накладываются на эти усвоенные в самом раннем детстве программы как на уже подготовленный фундамент, а мерой развития личности служит совокупность усвоенного индивидом социального опыта.

2. Структура личности. На первом этапе формирования и развития личности осваиваются программы поведения, связанного с удовлетворением биологических (физиологических) потребностей – таких как сон, удовлетворение голода, жажды, других физиологических потребностей. Родители, воспитатели буквально «дрессируют» нас: где надо спать, как готовиться ко сну, что надо делать, проснувшись, где и как надо есть.

Эти первичные установки создают основу для реализации уже собственно человеческого поведения, с которым и связан следующий этап формирования личности. Освоения того минимального "ролевого репертуара", который необходим для поддержания жизни человека в той культурной среде, в которой он имел счастье (или несчастье) появиться на свет. Так мы постепенно приобретаем жизненный опыт, осваивая самые различные социальные «роли»: пассажиров в транспорте, покупателей в магазине, учеников в школе, пользователей бытовыми приборами и техникой... Завершает процесс социализации профессиональное образование и подготовка, дающая нам возможность не только вести самостоятельный образ жизни, но делать свой вклад в развитие социального опыта, заниматься творчеством.

Освоение программ социального опыта на каждом из этих этапов всегда сопровождается какими-то переживаниями: что-то нам нравится, что-то не получается, что-то мы делаем с охотой, а чего-то начинаем избегать. Что-то становится важным и ценным для нас. Иначе говоря, социализация сопровождается выработкой у личности оценочного отношения, предпочтений, ценностных ориентаций. Эти ценностные установки и ориентации образуют несколько слоев, образующих своеобразную структуру личности:

- а) бессознательные ценностные ориентации;
- б) сознательно принимаемые предпочтения;
- в) сознательно культивируемые отношения и предпочтения;
- г) ценностные установки, выражающие мировоззренческое отношение личности к миру в целом, к другим людям, к самому себе.

Таким образом, создается достаточно сложная многоуровневая структура личности - система ориентаций, стремлений, намерений, выступающих основой совершаемых поступков в той или иной социальной среде: в семье, в труде, на досуге, среди друзей (врагов), по отношению к мужчинам (женщинам), родителям (детям), к политическим деятелям и партиям, к государству, к единоверцам и инакомыслящим, к соотечественникам и "иностранцам". В этой системе могут быть "задействованы" самые

различные уровни и слои: от биологического инстинкта до мировоззренческих представлений о цели и смысле жизни.

Выделенные уровни и слои различаются по своей устойчивости и подвижности. Наиболее устойчивы глубинные пласты личности, наиболее подвижны, изменчивы - наружные, ролевые. Различаются они и по времени формирования. Раньше других закладываются наиболее глубокие пласты, определяемые, как уже говорилось, отношением к ребенку окружающих его людей. Именно они обеспечивают единство внутренней жизни, интеграцию и целостность личности, выступая как ее ядро или "стержень". Затем, в детстве и в молодости формируется собственно характер, конкретизирующий избирательность ориентаций личности. Со зрелостью приходит дифференциация и усиление ролевых ориентаций. Распад и угасание личности происходят в обратном порядке. Таким образом, наиболее устойчивой является наиболее глубокий, уровень ориентаций личности, практически не изменяющийся с момента его формирования. Человек может сменить род занятий, профессию, место жительства, семью, уехать на другой конец Земли, но от самого себя ему не уйти, и везде, в любой ситуации он будет воспроизводить свое отношение к миру, себе и другим людям. Изменить что-то в этих представлениях может только какая-нибудь очень сильная жизненная встряска, заставляющая человека радикально пересмотреть свое отношение к жизни.

При всех отличиях выделенных слоев и уровней структуры личности, их природа едина – они выступают как результат освоения определенных видов деятельности и формирования отношения к ним. Динамика неповторимой целостности установок и ориентаций личности определяет поведение человека тем, что исключает одни возможные мотивы, выводя на первый план другие. Сначала человек действует, для того, чтобы просто поддерживать свое существование, а затем он начинает поддерживать существование, чтобы действовать, осуществляя свое назначение и призвание.

3.2. Общественное и индивидуальное сознание

1. Социализация и индивидуализация. Каждый человек представляет собой неповторимую индивидуальную личность. В чем-то мы можем заменить друг друга, но разные артисты, играющие одну и ту же роль, играют ее по-разному, спортсмены, выходящие на замену могут усилить, а могут ослабить командную игру. От чего же зависит наша индивидуальность?

Социальный опыт личности постоянно развивается, обогащается, перестраивается. Причем сама личность в этом процессе не является пассивной. Жизнь сталкивает нас с все новыми и новыми проблемами, на которые у нас может не быть готовых ответов. Отсутствие таковых вынуждает личность быть способной к самоорганизации и саморазвитию. В результате создается достаточно сложная многоуровневая система личностных предпочтений и стремлений: от биологических инстинктов до мировоззренческих представлений о цели и смысле жизни.

Развитие личности предполагает социализацию не только как «загрузку» программами социального опыта, но и оформление ее в неповторимое целое – *индивидуализацию*, как выражение определенной жизненной позиции и направленности интересов личности.

Индивидуализация обусловлена рядом факторов. Во-первых, разумеется, наследственностью. Именно своим родителям, бабушкам и дедушкам мы обязаны своими физическими данными, внешностью, некоторыми способностями, даже болезнями. Во-вторых, немалую роль в формировании личности играет индивидуально

неповторимая траектория жизненного пути: время и место рождения, окружение, обстоятельства и события, с которыми человек сталкивается в течение жизни. Важнейшую роль играет содержание и уровень полученного образования, первый профессиональный опыт. Уже за счет только этого социализация человека оказывается неповторимо индивидуальной. Но, в-третьих, не менее, а может быть и даже более важную роль играет опыт самоопределения личности, опыт самостоятельно принятых решений и ответственных, самостоятельных поступков.

Из того факта, что человек становится личностью только в социальной деятельности и через нее, отнюдь не следует, что только предшествующим опытом исчерпывается объяснение всех проявлений личности. Так свидетельством своеобразия личности в юности и молодости является не только и даже не столько - кто *«уже есть»* подросток, юноша, девушка, сколько, *«кем они хотят стать»*.

Человек никогда не сводим к тому, что он *есть*, к тому, чем и кем он уже *стал* – он всегда, хотя бы немного, но больше “суммы своих свойств”. Человек это еще и то, чем он *еще не стал*, то, что он еще не реализовал. Творческий «проект самого себя» может проявляться в человеке неявным образом, часто - случайно, во взгляде, жесте, улыбке, смехе, и чтобы увидеть его, надо уметь любить человека и терпеливо ждать.

Индивидуальность – это уникальное своеобразие личности, обусловленное биологической наследственностью, своеобразием жизненного пути, опытом самостоятельно принятых и реализованных решений, а также жизненными планами, проектами намерениями. Индивидуализация – как развитие индивидуальности - не противостоит социализации, а довершает ее, оформляя в индивидуальную неповторимость личности. Индивидуализация личности социальна по самой своей природе, но и социальное прорастает и реализуется только через самореализацию индивидуальной личности.

Сознание и поступки личности в конечном итоге есть единственный путь и способ воплощения социального опыта. Как говорил известный отечественный философ М.К. Мамардашвили (1930-1990): «Возможность обойти индивида исключена не в силу гуманистического предпочтения и заботы о человеке, а в силу непреложного устройства самого бытия, жизни - если вообще чему-нибудь быть». Благодаря индивидуализации человек чувствует себя самим собой, отличает себя от других людей, испытывая при этом живую связь с миром и людьми. *Индивидуализация – это, прежде всего, самоопределение личности, осознание собственной неповторимости, своих способностей, опыта, жизненной позиции и направленности интересов.*

2. Чье сознание? Так что же - сознание Я, самосознание - ничье? Неопределенно чье? Кто его собственник? Ведь, оборачивая общность уникальности, оно - у многих?! Что вообще можно говорить о человеческом Я и его сознании? Что "человек есть человек и обстоятельства, перспектива"? Что человек есть система общественных отношений? (марксизм), что человек есть ничто? (экзистенциализм), что человек есть человек и его свобода? (Бердяев), и его ответственность? (М. Бахтин)?

Главное - не кто собственник сознания, а что есть сама эта собственность сознания, в чем эта собственность выражается! Единство сознания есть только его единство, то есть само сознание, самосознание. Проблема же в том, что есть обладание им? Нельзя сказать, чье сознание, так же как нельзя сказать, чье пространство, чей воздух. Даже если бы всякий был убежден, что воздух, которым он дышит, есть его воздух, и пространство, которое он занимает, есть его пространство, - они "естественны", составляют "природу" и относятся к ней. Только человеческая природа - иная, она есть природа свободы и ответственности. Л.Н. Толстой в своей критике

частной собственности, иронизировал: мы говорим, что "земля моя", но мы умрем, а ведь она останется. Что же тогда можно сказать о сознании? О "моем Я"?

Как реализуется уникальная неповторимость самосознания? Каждый человек рождается как биологическая особь (как еще одна генетическая копия биологического вида), но делом ее жизни становится реализовать свою неповторимую социальную индивидуальность - вне зависимости от того, хочет он этого или не хочет, осознает это или не осознает. Более того, его индивидуально неповторимый опыт может стать общезначимой социально культурной ценностью, потому что социальная культура производит отбор не только ценностей культуры, но и поступков, биографий личностей, которые выступают в качестве социально значимых образцов, воплощение определенных идей, а то и духовного содержания целой эпохи. Для общества оказываются важными не только их деяния, но и внутренний духовный мир, мотивы их поступков, идеи, которыми он руководствовались, важна сама индивидуальная неповторимость их мыслей и чувств. Такая личность предстает средоточием социально-культурных процессов и влияний. Гомер, Сократ, Данте, Пушкин... - личности, важные не только сами по себе - через них определяется смысловое содержание целых эпох и культур. Однако творчество – удел не только выдающихся ученых, политиков, художников и т.д., но и каждой личности, самим своим участием в социальной жизни, осуществляющей свою уникальную миссию. Каждая личность занимает свое единственное место в жизни. "То место, где я стою, - писал М.М. Пришвин, - единственное, тут я все занимаю, и другому стать невозможно. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом ничего для себя не найдут, и не поймут, из-за чего я на нем бился, за что стоял".

В жизни человека ему нет, и не может быть заместителей. В этом его и счастье и трагедия одновременно. Всякий поступок есть действие неповторимого субъекта, занимающего свое единственное место в жизни. Как писал великий Гете:

*«Познай себя!» - Какое счастье в том?
Познаешь – а куда бежать потом?*

3.3. Самосознание индивида и социальное поведение

1. Самосознание личности. Каков источник и какова природа осознания собственной позиции, ее неповторимости? Откуда берется внутреннее сознание «Я»?

Способность к самосознанию, сознанию «Я» есть то, что отличает любую человеческую личность от животного. Такое самосознание уникально и индивидуально. И, хотя оно совершенно очевидно дано каждой личности, для других оно не постижимо тем же путем, каким постигаются все другие предметы.

Если человек - вопрос вопросов философии, то центральным моментом в проблеме человека оказывается вопрос о природе уникального личностного бытия. Философы объясняют сознание, духовное начало в человеке по-разному. Согласно Платону, сознание есть воспоминание о вечном мире идей, в котором пребывала душа до рождения на свет. Нетрудно заметить, что такое понимание, фактически, восходит к мифологически взглядам о переселении душ. Согласно британскому философу Д. Локку и другим философам-сенсуалистам (отводящим главную роль в познании чувствам), сознание, мышление - суть развитые и усложненные системы ощущений, чувственных восприятий. Согласно философам-рационалистам (отдающим разуму первенство перед чувствами), в том числе, таким как Р. Декарт, Б. Спиноза, В. Лейбниц, мышление, идеи изначальны и существуют параллельно материальному миру и независимы от него. Согласно таким философам как немец М. Бубер, француз

Э. Левинас, отечественный мыслитель М. Бахтин, изначально присущий человеку Дух, соприкасаясь с другими духовными сущностями, как бы воплощается ими в конкретную Душу. А согласно античному философу Плотину - наоборот - Дух является результатом развития Души.

Причина таких разночтений во многом связана с тем, что человеческое сознание, "Я", хотя оно вроде бы и совершенно очевидно дано каждому, не постижимо так же, как постигаются другие предметы. Стол, стул, химические вещества, планеты, произведения искусства, политические события и т.д. познаваемы объективно, то есть как некие объекты, существующие вне познающего их субъекта. Сознание же собственного "Я" постижимо не путем объективации, а каким-то иным, более глубоким образом. "Я" - ни факт, ни акт, ни идея, оно одновременно и идеально, и реально. Более того, "Я" всегда как бы стоит вне пространства и времени: оно всегда, в любой момент времени сознается как "Я-неизменное", как "Я, которое именно Я", причем во всей своей полноте.

Самосознание - возможно, наиболее важное проявление человеческой сущности. И при этом, самосознание, пожалуй, наиболее трудно постижимый феномен. Сколько не искали философы и ученые внутреннее "Я", они не нашли его. Будучи условием любого познания, самосознание проявляется только тогда, когда познание направлено не на него, и "исчезает", как только познание направляется непосредственно на него само. Самосознание оказывается проявлением некоего качества, выявляемого в момент его актуализации и с этой актуализацией исчезающим. Так растворимость вещества выявляется только с растворением соответствующего вещества.

Смысл проблемы самосознания заключается в том, что субъект самосознания является носителем свободы. И проблема самосознания, таким образом, с очевидностью, оказывается в центре любого осмысления человеком действительности и себя самого, возможности познания (и философствования - в том числе), динамики культуры вообще. Главной проблемой оказывается внепространственное вневременное начало самосознания, лежащее вне познаваемого мира, возможно, даже ему предшествующее. И речь идет тогда именно о свободе, носителем которой является субъект самосознания.

Поскольку самосознание трудно подвести под рациональные категории, в философии сложилась традиция рациональной неопределимости самосознания и связанных с ним философских идей свободы или существования. Данное вне времени и пространства, наше "Я" предстает как нечто не принадлежащее к привычному нам внешнему миру. Поэтому проблема самопознания обнаруживает себя, в конечном счете, как проблема внебытийного начала бытия, как проблема религиозная. *"Я" дано само по себе, но оно не может быть основанием самому себе, и нуждается в каком-то основании, лежащем вне чувственно воспринимаемого мира.* Поэтому подлинное самопознание достигается лишь через соотнесение с неким «Абсолютным» началом всех проявлений реальности, чем-то *свободным от этой реальности.*

2. Проблема свободы личности. Что есть свобода? И есть ли свобода? Ведь существуют множество авторитетных мировоззренческих концепций – материалистических и религиозных - полностью отрицающих свободу. Согласно материализму, все в мире есть результат причинно-следственных взаимодействий. Согласно религии протестантизма, в мире царит полное Божественное предопределение. Согласно марксизму, свобода есть осознанная необходимость. Отрицал свободу выдающийся немецкий философ Ф. Ницше. Отрицают свободу и сторонники бихевиоризма (от behavior – поведение), согласно которому человеческое поведение полностью определяется внешними воздействиями.

И для таких отрицаний имеются основания. Дело в том, что свобода - понятие не физическое, не природное. В физической реальности свободы нет, в ней действуют причинно-следственные отношения, обусловленные действием законов природы. С этой позиции все в мире обусловлено действием каких-то причин и такие причины всегда, при определенном интеллектуальном усилии, можно найти - проблема только в совершенстве средств познания, в глубине проникновения в познаваемую объективную реальность. В этом случае, действительно, свободы нет и быть не может.

Но свобода - понятие не столько физическое, сколько «сверхфизическое». Свобода – всегда что-то еще нереализованное, она – еще не бытие, но некая возможность бытия. Она предшествует бытию, есть то, что «хочет» воплотиться в бытии. В этом смысле выступает своеобразной "безосновной основой бытия". Поэтому всегда так трудно говорить о свободе - она не обладает конкретными характеристиками, представляя собой нечто неопишное и невыразимое. Согласно российскому религиозному философу Н.А. Бердяеву, даже всемогущий над бытием Бог-Творец не всемогущ над несотворенной свободой.

Свобода появляется только тогда, когда появляется человеческое сознание. Духовное, таким образом, непосредственно связано со свободой. Поэтому свобода предстает единственным условием адекватного восприятия и постижения реальности. Человеческая сущность и есть свобода, вечно ждущая за порогом человеческой определенности мира. Самосознание субъекта и есть самосознание свободы.

3. Единство и единственность человеческого Я. Самосознание "Я" всегда индивидуально конкретно. Оно уникально и индивидуально в том смысле, что далее не делимо (от латинского *individuum*, что буквально значит - "неделимый"). Но откуда же берется эта неповторимая индивидуальность, чем она определяется? Она природна? Она телесна? Она духовна? Она идеальна? Кто ее хозяин? Человек? А может быть - род, дающий ему телесность? Культура, дающая язык, нормы, образцы поведения и мышления? Что есть Я? Что есть субъект?

Личность, по сути дела – «матрешка», в которой содержится еще множество других, друг в друга упрятанных матрешек. Или - жемчужина. В самом центре жемчужины - самосознание, на которое наслаивается перламутр – последующие слои личности: сознание, идентичность, телесность, система ролей, облик, одежда, автомобиль, дом, прочая собственность, семья, работа, досуг и т. д. Человек, говорил испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, это человек и его обстоятельства. Но в центре - гвоздь, на котором висит вся целостность этих характеристик - самосознание Я.

Извне, в восприятии других людей целостность нашего индивидуально неповторимого "Я" закрепляется нашим именем собственным или задается с помощью указательных местоимений "тот", "этот", "та". Именно под своим именем мы и выступаем социальными существами, персонажами всяческих ситуаций и событий. Изнутри же нашего внутреннего мира свое собственное «Я» воспринимается как некоторое единство переживаний, этих ситуаций и событий, ожиданий, надежд, радостей. В переживаниях, в духовном опыте жизнь предстает творчеством и самоопределением личности.

Личность, в известной степени, подобна художнику, который лепит и чеканит в форме переживаний свою личную жизнь из материала окружающей действительности. Дело не в количестве переживаний, а в их глубине, способности личности к осмыслению переживаний, нахождению в них смысла. Переживания - не «картошки в

мешке», а осознание не случайности и связи, осмысленности пережитого, осознание своей роли в пережитом, своей вины и ответственности.

4. Сомнение и непослушание. Возможность совершать самостоятельные поступки предполагает, таким образом, самостоятельное мышление, а значит и на какой-то стадии - сомнение. Сомнение, непослушание и отклонение от норм и образцов - в определенном смысле есть необходимое условие становления и развития личности, ее самоопределения и самоорганизации.

Поэтому особое значение имеют решения, принятые не автоматически, а в результате сознательного выбора. Именно сознательный выбор представляет моральную ценность, предполагается как необходимый этап становления личности, вочеловечения человека. Недаром «послушание через непослушание» привлекает такое внимание в искусстве и религии – когда человек совершает поступок не по приказу, не по привычке, а сделав сознательный выбор.

Научное познание начинается с критического отношения к привычным фактам и объяснениям. В философии Нового времени (XVII-XVIII вв.) сомнение закрепилось как один из принципов мировоззрения. Методологический принцип сомнения (подвергать изначальному сомнению все и вся), сформулированный Р. Декартом, стал одним из принципов формировавшейся науки.

Нетрадиционность мысли и действия, "инакомыслие" и отклонение от сложившихся стереотипов - необходимое условие любой творческой деятельности. В истоках любого творчества лежит недовольство человека существующим порядком вещей. Поэтому талантливые люди нередко обладают так называемым "трудным характером". Сама человеческая сущность предполагает возможность непокорности, отклонения от норм, что "послушание" свободного человека отличается от абсолютного и безусловного повиновения.

5. Культура и творчество. Творчество – удел не только выдающихся ученых, политиков или художников, но и каждой личности, своим участием в социальной жизни, осуществляющей свою уникальную миссию. Жизнь, как в профессиональной, так и в бытовой среде очень часто ставит человека в ситуации, когда он за неимением социального образца поведения вынужден в себе самом находить пути решения, самостоятельно достраивать собственный опыт.

Все, что ни происходит в человеческом обществе, есть результат личных усилий, вне зависимости от того, сознают ли это сами личности, вовлеченные в плетение ткани жизни. Поэтому каждый человек обречен от рождения на творчество самим фактом своего бытия. Без личности, без индивидуальных сил не мыслимы ни действие закона, ни научная истина, ни творчество политической идеи, ни обнаружение и творение красоты. Правопорядок, закон, идея не существуют и не действуют сами по себе.

В обыденном сознании культура и творчество часто отождествляются. Достаточно вспомнить газетные штампы типа "сфера культуры и творчества", "культура и искусство" и др. Однако, соотношение культуры и творчества не так просто. В самом деле, творчество сознательная или бессознательная деятельность? Оно планируемо и управляемо или стихийно, спонтанно и произвольно? В первом случае оно явно связано с реализацией норм культуры, во втором - преимущественно с нарушением их, иногда даже помимо воли творца. И вообще, является ли творчество обязательным моментом культуры, или чем-то необязательным?

Ведь что такое культура? Существует великое множество определений этого понятия. В обыденном сознании это что-то "правильное и хорошее": кого-то считают "культурным", а кого-то "не очень". В этом случае речь, фактически, идет о

"ценностном" понимании культуры как *системы ценностей* (материальных и духовных) народа или человечества в целом. Действительно, ни одно общество не может существовать и развиваться без накопления эффективного опыта предшествующих поколений, без традиций, образцов «как правильно жить». Согласно другому - "технологическому" - подходу, культура есть *способ жизнедеятельности*. Все люди спят, едят, трудятся, любят, но в каждом обществе это делают по-своему. Именно "быт и нравы", или принятые в данном сообществе способы, осуществления жизненных актов понимаются здесь как выражение конкретной культуры. В "технологическом" понимании к культуре относятся и такие сомнительные, с точки зрения ценностного подхода, явления как, скажем "культура преступного мира", "технология" действия средств массового уничтожения. Существует и трактовка культуры, когда культурными признаются не все без исключения способы осуществления жизнедеятельности, а только такие, которые *способствуют развитию, совершенствованию и возвышению человека*. Обобщая эти подходы, можно определить культуру как *систему порождения, накопления, хранения, передачи (от народа к народу и от поколения к поколению) социального опыта*.

Культура держится творчеством, им питается: как в поддержании старых норм и ценностей, так и в создании новых. Культура как языческий идол требует "человечины", свежей крови и молодых жизней. Чем более "культурна" культура, тем с более жесткой средой традиций приходится сталкиваться творческой личности. Творчество подобно магме с огромным трудом и тратами энергии прорывающейся сквозь уже застывшие пласты и напластования, но лишь для того, чтобы, излившись, - застыть новым слоем. И следующим творцам будет еще труднее.

Отличить творчество от его зеркального двойника - негативной социальной девиации, о которой говорилось раньше, - довольно трудно. Не случайно современники нередко и не проводят грани между поведением преступника и творца, расценивая деятельность последнего как преступление против нравственности, религии или как нарушение закона. Сократа, задававшего согражданам «лишние» вопросы, приговорили к смерти. Суровое наказание ждало Д. Бруно и Г. Галилея, усомнившихся в том, что Солнце вращается вокруг Земли. На первых выставках импрессионистов возмущенные зрители требовали ареста «хулиганов». Примерно то же было на первых выставках русских художников-передвижников. Как интеллектуальное хулиганство были восприняты современниками теория относительности, квантовая механика. История полна примерами расправы благородных, но неблагодарных современников и соплеменников над творцами, по прошествии времени торжественно вводимыми в пантеон святых.

Творчество желательно далеко не во всякой культуре. Да и большую часть человеческой истории занимают так называемые "традиционные" культуры, жизнь которых целиком определялась верностью традиции, "тиражируемой" каждым новым поколением. Всякое отклонение от традиционных норм и правил в таких обществах безжалостно пресекалось, а "творцы" либо изгонялись, либо подвергались жестоким репрессиям. Резким ускорением развития цивилизация обязана культуре, сложившейся в русле иудео-христианской традиции с ее особым вниманием к личности, ее свободе, а значит и творчеству. Именно, а может быть и только в этой культуре, которая до сих пор определяет лицо современной цивилизации, ориентированной на преобразование окружающего мира, творчество рассматривается как ценность. Более того, в современной цивилизации, складываются институты, само существование которых нацеленные именно на творчество: творческие союзы, научные институты, или политические партии.

Трагедия взаимоотношения творчества и культуры в том, что их отношения несимметричны. Современной культуре творчество необходимо, но творчество не

может рассчитывать на культуру, а должно преодолевать ее, становясь новой культурой. Нормативность и типичность необходимы для творчества – в том смысле, что их нельзя обойти. В искусстве это типичные образы, выражающие конкретные этнические, национальные, классовые, возрастные особенности. В науке - это математический аппарат, позволяющий сводить явление к абстрактным законосообразным объяснениям. Но свои силы оно может черпать только в человеческой свободе и человеческом сердце - на культуру ему рассчитывать не приходится. То, что делается в расчете на культуру – не творчество, а репродукция, и - парадоксальным образом – не нужно культуре, губительно для нее. Как вампиру ей нужна свежая кровь и энергетика, напряженное биение живого сердца, а не мертвые отработанные общие формы.

Культура программирует личность, стремится сделать типичными не только поведение личности, но и ее сознание, мышление, чувства. В творчестве, однако, существенно не столько заранее предзаданное, сколько не имеющее аналогов, аномальное. Поэтому творчество опирается на структуры, фиксирующие новые формы общечеловеческого опыта в новых сложившихся исторических обстоятельствах. Творчество всегда предполагает некий новый образ, пророчество о будущем. Творчество не ретроспективно, не репродуктивно, а перспективно и продуктивно. Творчество - не только комбинация неизменных смысловых единиц культуры, но и создание новых на основе индивидуальной трагедии существования. Творчество разрушительно для традиционного привычного мира. Творческие схемы, формулы и образы, ориентированные вперед, к конечным смыслам истории, человеческой жизни, имеются в любой культуре, но их роль и значение нарастают с ходом развития цивилизации.

6. Природа гениальности. Любая жизнь - драма и трагедия. Трагическое одиночество - удел жизни и смерти любого человека, где бы и когда бы он ни жил. И чем острее и глубже переживается эта трагедия, тем более открыт человек к творчеству. Поэтому вряд ли состоятельны концепции, увязывающие творческую гениальность с этническими, политическими, а то и географическими факторами. Иногда, например, связывают гениальность с бескрайними просторами, величию исторической судьбы народа, крайностями политического и духовного радикализма, житейским неблагополучием и неустроенностью, общим дискомфортом быта, нравственной сомнительностью самой личности. На этой почве обычно и вырастают идеи типа "великого народа" с его великой "исторической миссией". Хотя за всем этим не скрывается ничего кроме оправдания страданий и унижения, исторического опыта выпоротых и ищущих, кого бы еще выпороть: насильников и узурпаторов.

Именно в гениальности наиболее полно выражается природа творчества. Какова эта природа? Иногда творческую гениальность связывают с этническими, политическими, а то и географическими факторами. Иногда, например, связывают гениальность с бескрайними просторами, величию исторической судьбы народа, крайностями политического и духовного радикализма, житейским неблагополучием и неустроенностью, общим дискомфортом быта, нравственной неоднозначностью личности.

Сущность и природа гениальности, так же как и творчества вообще - не вовне, а в сердце души. Источник бытия, свободы и творчества един - столь же един, сколь и вечен. Хотя может быть различной силы социальный запрос на творческую личность. У разного времени различные потребности в творческих личностях. Недаром целые эпохи кажутся серыми от «бесцветия» человеческих душ, а то вдруг взрываются фейерверком гениальностей.

Тем не менее - творчество и гениальность категории внеисторические. Известная русская поэтесса Марина Цветаева говорила: "Почвенность, народность, национальность, расовость, классовость - и сама современность, которую творят, - все это только поверхность, первый или седьмой слой кожи, из которой поэт только и делает, что лезет". Или она же, только еще жестче: "Всякий поэт по существу эмигрант... из Бессмертья во время, невозвращенец в свое небо". А согласно Борису Пастернаку поэт - "вечности заложник у времени в плену". Творец, художник, гений - всегда маргинал, вываливающийся и выпадающий, если не выдирающийся из "здесь и сейчас". Это Человек, стоящий перед лицом предельных границ человеческого бытия, перед лицом Вечности, Вселенной, Смерти, Свободы, Бога.

Творчество и гениальность не от технического мастерства и даже не от способности воплотить замысел. Эти качества рационалистичны именно в "техническом" плане. В плане технологической рациональности гений вполне может быть злодеем, там он - лишь мера умения, эффективности. Овладев умением, не становятся гениями. Это путь пушкинского Сальери: "поверить алгеброй гармонию". Но человеческий разум в этом бессилён. Недаром в западноевропейской культуре тема гения и творчества имеет столь неоднозначный характер (Фауст, Франкенштейн).

Другой ряд и другой путь - гений пушкинского Моцарта. Это путь сопричастности гармоничному целому мира, естественная, если не инстинктивная связь с природными стихиями, противоположная рассудочному прагматизму. Гений - сын естества и естественности. Он светел и щедр. Он - воплощение добра, гармонии и Абсолюта. Как пушкинский Моцарт: "Гений и злодейство - две вещи несовместные", потому как происходят из разных миров. "Несовместны" сами эти миры. Гениальность - не мера и степень. Это качество, которое не имеет количественных градаций - либо оно есть, либо его нет. «Трещина в бытии проходит через сердце поэта», и он работой своей души, своего разума восстанавливает утраченную гармонию мира или строит новую, открывшуюся ему. И дальше ему остается описать эту гармонию в научных понятиях или записать ее нотами, или выразить в рисунке и красках. Гений космичен, это - единство с творящей целостностью мира не может не быть нравственным, противостоящим уничтожению и злодейству.

Жизнь есть творчество, а творчество есть жизнь. Творчество может питаться только от самобытности. Оно не столько творчество культуры, жизнь в искусстве, сколько искусство жизни, "делание" собственного бытия. Как говорится, "не историю надо делать, а биографии, из которых в конечном итоге и складывается история". Единство личностного бытия предстает единством сюжета жизни, а сама личность - творцом, лепящим и чеканящим свою собственную жизнь, вплетающуюся в общую ткань бытия.

3.4. Понятие социальной роли. Социальные роли в юношеском возрасте.

1. Ролевая концепция личности. Личность можно рассматривать как систему социальных ролей - освоенных ею видов социально-культурной деятельности. Как писал поэт А. Вознесенский: "Я - семья. Во мне живут семь Я...". В процессе социализации мы как бы осваиваем определенные роли. И в человеке живут намного больше "семи я". Я как сын, я как брат, я как ученик, я как товарищ, я как пассажир, я как покупатель и т.д. На протяжении всей своей жизни человек осваивает все новые и новые социальные роли, развиваясь как личность.

Уже в юношеском возрасте «ролевой репертуар» личности уже настолько широк, что описать его полностью весьма затруднительно. Например, в семье играет множество ролей. Дочь и сын – весьма различные роли. А брат и сестра? Внук и внучка?

Племянник и племянница? И при всей определенности родственных отношений насколько по-разному могут строиться эти отношения играть эти роли! Быть другом, подругой... А какое богатство ролей открывается в школе, во дворе, в спортивной секции или музыкальной школе! Даже исполнение вполне стандартных ролей пешехода, покупателя, гостя и т.п. требуют конкретных навыков, опыта, которые могут оказаться недостаточными при поездке в другую страну, даже – к родственникам в деревню.

В процессе своей жизни человек не только осваивает те или иные социальные роли, но и вырабатывает к ним свое собственное личное отношение: какие-то из этих ролей ему нравятся, какие-то - не очень, а какие-то ему неприятны или даже ненавистны. Такие предпочтения, предрасположенности или наоборот - пренебрежения личности к тем или иным видам деятельности, в психологии называются ценностными ориентациями или установками личности. Они могут быть как ясными, сознаваемыми, четко фиксированными, так и неявными, неосознаваемыми безотчетными: мне может нравиться или не нравиться то или иное занятие, но не всегда я могу внятно (даже для самого себя) объяснить, почему это именно так. Тем не менее, именно эти ценностные ориентации, даже когда они не вполне осознаны самим человеком, выступают главными регуляторами его поведения.

2. Культура и личность. Личность формируется и развивается только на основе определенной культуры, при условии погружения в нее и освоения ее личностью. Культура, как уже говорилось, представляет собой систему порождения, накопления, сохранения и передачи (в том числе - от поколения к поколению) социального опыта. Ни одно общество не может существовать и развиваться без накопления опыта предшествующих поколений, ибо только на их основании становится возможной жизнь последующих.

Давая людям эффективные способы поведения, культура выступает способ жизнедеятельности. Все люди спят, едят, трудятся, любят, но в каждом обществе это делают по-своему. Если взять обычного городского юношу или девушку и забросить в джунгли Амазонии, или в приполярную тундру, то долго они не продержатся. А любой – соответственно - индейский или чукотский подросток будет себя чувствовать достаточно уверенно. И наоборот – сколько описано ситуаций шока и стресса, испытываемого людьми, выросшими в таких условиях, при попадании в большой город. И в том и в другом случае проблема заключается, в том, что родная культура не дает человеку ориентиров, эффективных правил поведения, он просто не знает – что делать, и будут испытывать чудовищный стресс, поскольку столкнутся с совершенно непонятными им формами жизни, совершенно иной культурой.

Культура упорядочивает деятельность человека тем, что фиксирует конкретные нормы, традиции - правила этой деятельности по достижению целей. Любая целенаправленная деятельность осуществляется по каким-то правилам, образцам - нормам. Они определяют социально допустимые средства и способы достижения целей. Именно ценностные установки и ориентации, определяют. Поэтому каждая национальная, этническая, возрастная, профессиональная и прочие культуры придает стремлениям и намерениям людей выраженный характер.

Человек, в отличие от животного, не меняясь как биологический вид, изменяет саму окружающую среду, заменяет природную среду искусственно создаваемой "культурной" средой. Но, оказываясь в новой, им самим созданной среде, человек испытывает на себе ее обратное воздействие. Его собственное "творение", в свою очередь, начинает изменять его самого.

Можно сказать, что, давая конкретный опыт, определенную жизненную компетентность, способность эффективно решать личные, профессиональные и прочие проблемы, всякая культура - одновременно – формирует определенный тип личности.

3. Роль образования в культуре. Важнейшую роль в этом процессе играет образование – система профессиональной деятельности, целью которой является подготовка все новых и новых поколений к эффективной социальной деятельности. Недаром в большинстве европейских языков, включая и русский, вплоть до начала XIX столетия слово «образование» использовалось в очень широком смысле, включая и содержание нынешнего понятия «культура».

Культурный человек – это, прежде всего, – человек образованный, освоивший определенный опыт поведения правильного, т.е. эффективного и успешного по меркам данного общества. В нашей стране учреждения и организации сферы культуры до 1954 входили в систему образования, поскольку на них возлагалось решение важнейшей задачи просвещения и внешкольного образования взрослых.

Собственно на систему образования и возлагается в современном обществе основная задача социализации личности, ее подготовки к активной социальной деятельности. Речь идет при этом не просто о программировании и натаскивании личности на решение определенных задач, а о наиболее полном раскрытии ее способностей и, тем самым, наиболее полной самореализации, а значит и внесения ею максимального вклада в развитие общества, накопление нового эффективного опыта.

В современную систему образования входят специальные организации и учреждения – не только начальной и средней школы. Их задача – дать подрастающему поколению некий базовый уровень знаний, умений и навыков, позволяющий успешно трудиться, а также повышать, в случае необходимости, свой образовательный уровень и профессиональную подготовку. Этому служит разветвленная сеть высших и средних специальных учебных заведений - университетов, институтов, академий, колледжей, техникумов, училищ – существующая в каждом современном государстве. Учредителями этих учреждений могут быть государство, частные лица, общественные организации, но обычно контроль за качеством образования осуществляют специальные государственные органы.

Получаемые аттестаты и дипломы свидетельствуют о том, что их обладатели освоили некий образовательный и профессиональный стандарт и могут выполнять определенные работы, претендовать на продолжение образования.

Никакой диплом, однако, не дает человеку полной гарантии трудоустройства на всю оставшуюся жизнь. Современные технологии развиваются и совершенствуются столь стремительно, что любой дипломированный специалист «устаревает» в течение 3-5 лет. Поэтому он должен заниматься самообразованием, проходить переподготовку, повышать квалификацию. В решении этой проблемы ему могут помочь различные курсы, центры переподготовки, специальные семинары, тренинги.

Таким образом, современная система образования выполняет ряд важнейших для существования и развития общества функций. Прежде всего, она закладывает фундамент развития личности. Семейное воспитание, личный опыт передают личности минимальный навык обыденного опыта, общения в ближнем, личном окружении. Но без образования современный человек не в состоянии эффективно включиться в трудовую деятельность, общественную жизнь, просто стать полноценным членом общества. Среднее специальное и высшее образование открывают перед человеком еще большие возможности и перспективы самореализации и творчества, социального признания. Образование – важнейшая часть

культуры. С одной стороны, оно способствует воспроизводству культуры, передачи новым поколениям эффективного социального опыта. С другой – накапливает потенциал, возможности ее дальнейшего развития.

3.5. Нравственные ценности и ориентиры. Основные категории морали

1. Мораль и нравственность. Совместная жизнь людей, не говоря уже о трудовой деятельности, современном производстве, бизнесе, политике, науке, - невозможны без выработки писанных и неписанных правил, норм, которых придерживаются и которыми руководствуются все участники социальной жизни в быту, труде, в политике, личных, групповых, международных отношениях. В каждой отдельной сфере деятельности вырабатываются свои специфические правила и нормы: кодексы чести, уставы, положения, технологические правила, инструкции.

Однако в рамках каждой культуры вырабатывается свой специфический и всеобщий регулятор социальной жизни и социальных отношений. Таким регулятором является мораль - система общих норм и правил, требований, предъявляемых каждой личности и фиксирующих то общее и основное, что составляет культуру межчеловеческих отношений, сложившуюся в многовековом опыте развития данного общества.

Мораль (от латинского *moralis* – нравственный, и *mores* – обычаи, нравы, поведение) распространяется на всех членов данного общества, обеспечивая, тем самым сознание общности и единства, принадлежности каждого человека некоей общности. Мораль как систему нравственных норм, правил и требований следует отличать от нравственности – степени принятия личностью и обществом требований морали и руководства ими в реальной жизни.

Реализуется мораль не только в нормах и требованиях, запретах и ограничениях, но и в обычаях, позитивных образцах, идеалах, являющих примеры нравственного поведения из славного прошлого, примеры самоотверженного и достойного подражания поведения современников. Такие примеры и идеалы выступают в качестве нравственных ценностей, выражающих представления о желаемом, должном, «принятом» поведении.

Закреплению в обществе нравственных ценностей и морали в целом служат семейное воспитание, система школьного и внешкольного образования, культурно-просветительная работа учреждений и организаций культуры, различных общественных организаций и движений. Мораль и нравственность служат предпосылкой и основой права – системы социальной регуляции на основе законов, принятие которых, а также контроль за исполнением возлагается на государственные органы власти. Изучением морали, составляющих ее нравственных ценностей занимается специальная отрасль философского знания – этика.

Высшей нравственной ценностью является благо (добро). Различным трактовкам добра, критериям его отличия от зла посвящено великое множество философских трактатов, религиозных проповедей и наставлений. Подавляющее большинство произведений искусства, так или иначе, но выражают эти представления, их противоречивость и вечную актуальность.

Несмотря на то, что в различных обществах и в различные эпохи существуют свои представления о добре, по мере развития человеческой цивилизации, вырабатываются общечеловеческие ценности – представления о благе, общие для представителей разных народов и разных вероисповеданий. Такими ценностями

выступают человеческая жизнь, качество этой жизни, свобода и достоинство личности, справедливость.

2. Свобода и ответственность. Конечной целью любой морали и нравственности является автономность нравственной личности, способной к принятию долга. Реальное содержание философии нравственности заключается в признании достоинства и ценности каждой личности, ее свободы, а значит и права на ответственность. А, с другой стороны, зло - всегда выступает как умаление, унижение человеческого достоинства. Людям для счастья нужно, в принципе, не так уж и много: гарантии признания их достоинства, права на свободу.

Нравственный долг не может быть навязан – это всегда результат свободного выбора личности. Даже требовать возвращения денег, взятых в долг, исполнения каких либо обязанностей можно только в том случае, если мы предварительно обязались деньги вернуть, а обязанности выполнять. Ханжество и лукавство – требовать от людей самоотверженного героизма. Смысл и значение любого подвига, героического поступка – то, что они являются актами *свободного самоопределения* личности.

Навязывание личности извне смирения может принимать глубоко трагичные и извращенные формы, как, например, это было с людьми, прошедшими ад фашистских и сталинских концентрационных лагерей, в которых достоинство и честь человека глумливо растаптывались. В лагере человек лишался главной составляющей достоинства - возможности нести ответственность за свои поступки. Каждая минута жизни не принадлежит человеку, он оказывается полностью лишенным свободы воли, фактически - возможности совершать поступки.

Чтобы не впасть окончательно в состояние "идеального заключенного", т.е. чтобы не стать полностью раздавленной и размазанной личности, у человека оказывается единственный путь спасения - создать вокруг себя "область автономного поведения", «зону свободы», то есть сферу жизни, в которой человек делает то, что его делать никто не заставляет. Он сам принимает решения к действиям и сам за них отвечает. Пусть это будет хотя бы даже решение чистить зубы. Даже чистка зубов может стать поступком, соломинкой, сохраняющей человек его достоинство, его самого как личность. Это первое условие самосохранения и выживания личности, лишенной достоинства извне. Вторым оказывается установление ею самой себе некоторой "черты" в поведении, переступать которую нельзя. Такая черта в поступках и область автономного поведения – необходимый минимум сохранения человеком собственной личности, своеобразный зародыш личности как социального субъекта, сохраняемый в античеловеческих условиях, нравственный закон выживания в которых гласил: "Не верь, не бойся, не проси!". Нарушивший эту заповедь быстро утрачивал самостоятельность, личное достоинство, быстро деградировал как личность, а затем и физически.

Как писал австрийский экономист и философ Ф. Хайек (1899-1991) в книге "Дорога к рабству": "Только когда мы сами несем ответственность за свои интересы и свободы принести их в жертву по собственной воле, наше решение имеет моральную ценность. ... Ответственность за устройство своей жизни в соответствии с велением совести - вот единственный воздух, в котором может развиваться нравственное чувство, в котором моральные ценности ежедневно воссоздаются свободным волеизъявлением индивидуума. Ответственность не перед начальством, а перед собственной совестью, сознание долга, не предписанного сверху, необходимость решать, какими ценностями пожертвовать, и способность нести последствия своего решения - вот суть этики, заслуживающей этого наименования". Отказ от признания свободы выбора, ответственности личности означает крушение любой системы нравственности и права.

3. Свобода и долг. Внутренним гарантом чувства собственного достоинства является долг, самоотдача, самоограничение, буквально - самоопределение (постановка себе предела, “черты”) личности. Но это долг, не навязываемый извне, не “требуемый” с личности. Это ее “не могу иначе” - осознанное ею собственное призвание и нравственный выбор. Нравственен только долг внутренний, взятый на себя самим человеком, а этика долга возможна только в качестве внутреннего самоопределения, когда ты оказываешься обязанным всем, но тебе - никто. Если этика долга применяется к другим, она становится безнравственной, ведет к насилию.

Человек, не познавший пределов своей свободы и ответственности, оказывается вне морали. Общество вне своих пределов и границ относительно личности оказывается безнравственным. Ответственность, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, - это и есть этика. Чем шире зона моего автономного (свободного) поведения, тем шире зона ответственности. И человек тем этичнее (свободнее = ответственнее), чем шире эта сфера. Традиционные общества ограничивали ее своим этносом, позже ее ограничивали расой, нацией, классом. В наши дни этическое самоопределение в смысле очерчивания предела свободы и ответственности намного шире, фактически распространяясь на мир в целом.

Самоценность личности – не ценность для себя, перед собой, а выражение стремления реализовать себя, найти свое место в жизни и делать то, что кроме тебя никто и никогда сделать не сможет. Человек не только сопричастен миру, не только произведен от него, но и ответствен за него, за его будущее, поскольку живет в нем, творит в нем, участвует в его познании и преобразовании. Еще Сенека в "Нравственных письмах к Луцилию" выразил идею степени возможного смысла жизни как требования, чтобы человек был полезен максимально многим людям; если это невозможно, то хотя бы немногим; если и это невозможно, то, по крайней мере, своим ближним; если невозможно и это, то хотя бы самому себе.

"Принцип Сенеки" достаточно широк, чтобы реализовать практически любое самоопределение, оправдывающее ее жизнь и придающее ей смысл. Жизнь не дана человеку «готовой». Ему даны только возможности, перспектива, опираясь на которые он строит свою жизнь сам. Его жизнь за него не проживет никто, она есть дело его выбора. И чем яснее понимание человеком своих возможностей и границ этих возможностей, тем ответственнее его выбор, тем острее переживание им свободы своей воли.

4. Свобода и окружение. В романе "Война и мир", Л.Н. Толстой замечает: «...Глядя на человека, как на предмет наблюдения... мы находим общий закон необходимости, которому он подлежит так же, как и все существующее. Глядя же на него из себя, как на то, что мы сознаем, мы чувствуем себя свободными...»

Что значит быть свободным? И разве можно быть свободным? А родители? А учителя? А приятели? Разве я не завишу от окружения, в котором родился и вырос? И, вообще, как насчет судьбы, от которой, как известно из пословицы, "не уйдешь"? Разве человек - хозяин своей жизни?

Если “человек создан для счастья, как птица для полета”, то главным оказывается – стремиться к счастью, достижение которого, видимо, максимально оправдывает существование. Но что же мешает его достижению? Весь российский духовный опыт, все искания российской интеллигенции, связаны с этим вопросом. Традиционный ответ - мешают обстоятельства, среда, условия. Все знаменитые “лишние люди” великой русской литературы - Чацкий, Онегин, Печорин, Обломов и прочие “лучи света в темном царстве мертвых душ” - прекрасные души, невостребованные плохой средой. “Не то” время, “не те” люди - не только их не понимают, но и губят. Само

собой напрашивается и решение - убрать среду, заменить условия и обстоятельства. И вот уже разворачивается нравственная трясина нигилизма, с его насилием и оправданием человекоубийства. На месте отвергнутого, разрушенного мира предлагается создать мир заново, сотворить его по своему разумению. И если человек создан для счастья, то оправдан любой путь к счастью, оправдано любое насилие над обстоятельствами, мешающими достижению счастья.

5. Свобода и воля. Воля и свобода часто путаются. Свобода совпадает с ответственностью. Там, где я свободен, я и только я отвечаю за свои свободные действия. Но и ответственен я только там и тогда, где и когда я свободен. В ситуации свободы я и к другим людям с необходимостью отношусь, как к свободным. Ведь как я могу стать свободнее? Только отнесясь к другим, как к таким же свободным людям, соотнеся свои интересы с их интересами, вступив с ними во взаимно свободные, то есть ответственные отношения. Сделать это я могу не помимо воли других, а только учтя их интересы, соотнеся со своими интересами, переплетая их и сплетая тем самым ткань реальных отношений. Свободное общество потому и богатеет, что оно есть общество взаимно ответственных отношений, взаимного удовлетворения взаимного спроса.

В ситуации же воли интересы других людей меня не интересуют. Социальное пространство в таком обществе не структурировано. В нем, как шары в пустом барабане, носятся самозванцы со своими идеями о счастье, натываются друг на друга, отскакивают... Треску, шуму, грохоту много, а толку никакого до тех пор, пока не появится какой-нибудь суперсамозванец, который жестко выстроит всех по ранжиру своей воли. Итог ситуации свободы - созидание и творчество. Насилие – результат социальной жизни в ситуации воли.

6. Свобода и счастье. Опыт российской истории есть опыт воли, но никак не свободы. Воли не только властной, самодержавной... Русская мечта о свободе - мечта о вольнице. Помещик плох - пожжем помещика, устроим "грабизжку". Счастью народному царь мешает – убить царя. Крестьянскому счастью кулаки мешают – убрать кулаков, а заодно и всех, живущих лучше "несчастных". В духе построения коммунизма в романе А. Платонова «Чевенгур»: если коммунизм это когда нет буржуазии - расстреляем буржуазию. А если нет реальной буржуазии, определим в нее тех, кто почему-то негоден или просто не нравится. Удивительно, но счастье от всего этого не наступает.

Проблема счастья не столько вовне, касается не столько мира внешнего, сколько мира внутреннего. Это не освобождение от среды, отрешенность от внешних условий и рамок, а работа ума и души. Творческое созидание. Счастье - свобода, а не воля. Полноценная свобода - осознанное переживание своей включенности в реальность, своей ответственности за нее, сознание, что от тебя что-то зависит в ней. Вольный - всегда лишний, выпадающий из бытия. Его ждут тоска и одиночество. Счастливым может быть только свободный человек, которого ждет полнота бытия.

Воля - инстинкт свободы. Свобода - сознание воли, самоопределение и самопреодоление. Постановка пределов и границ своей ответственности. Свобода - самоограничение воли? И да, и нет. Да - как знание пределов. Нет - как выход к новым пределам и границам на основе новых вопросов и новых ответов.

Так что, в конечном счете, человек, все-таки, - хозяин собственной жизни. А если я жалуясь на судьбу, значит, я отказываюсь от права быть этим хозяином. Что, впрочем, тоже решение, за которое придется отвечать.

7. Границы добра и зла. В первом приближении критерий различения добра и зла довольно ясен. Безнравственна личность, руководствующая по отношению к

обществу представлениями о собственном достоинстве, и безнравственно общество, руководствующееся по отношению к личности представлениями о ее долге. И наоборот. Нравственна личность, руководствующаяся по отношению к обществу представлениями о долге, и общество, руководствующееся по отношению к личности представлениями о ее свободе и достоинстве.

Долг - не извне вовнутрь, а изнутри вовне. Никто не вправе мне сказать, что я должен. Долг - это дело моего выбора. Но общество может задать ограничения, правила игры, которые я могу принять или не принять - со всеми вытекающими для меня возможными последствиями. Такие ограничители довольно хорошо известны. Цивилизация постепенно вырабатывает и формулирует их все более четко. Классический и всем известный пример - уголовное право. Ограничителем политического самозванства является демократия и особенно - правовое государство. И сфера ограничителей продолжает расширяться. Еще сто лет назад с пафосом декларировалась идея отсутствия запретных тем и проблем для научного познания. В наши дни стала очевидной проблема ограничений на некоторые темы. Некоторые технологии в биоинженерии - тому примеры. Допустимы ли исследования и эксперименты по синтезу генов человека и животных?

Главной задачей при этом оказывается, с одной стороны, обеспечение терпимости (толерантности) к различным формам самоутверждения, а с другой – ограничения покушений на свободу других. Немецким философом И. Кантом были предложены формулировки основного закона нравственности:

категорический императив - “поступай только согласно такой максиме (правилу), руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом”

практический императив - “поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству”.

Категорический императив выражает сущность любой морали, поскольку любое проявление морали и нравственности предполагает и выражает рассмотрение нравственных правил и норм в качестве универсальных законов.

3.6. Жизненный путь и проблема смысла жизни

1. Для чего живет человек? Почему, где, когда, каким образом – более или менее понятно. А вот зачем? С какой целью? И для чего знать - зачем? Очевидно, что для осмысления и, тем самым, оправдания жизни. Жизненный путь и судьба человека издавна занимают особое место в фольклоре, ритуалах и народной обрядности (как осмысление рождения, взросления, смерти человека), связанных с узловыми точками человеческой жизни, формированием новых ценностных ориентаций и установок на каждый новый жизненный этап в развитии личности. Сознание пути (судьбы) является существенной характеристикой уровня самосознания и зрелости личности. Это необходимое условие нормальной жизнедеятельности личности реализуется даже на психофизиологическом уровне. Человек нуждается не только в осмыслении внешнего бытия, соотнесении его со своими внутренними запросами и интересами, но и в определении самого смысла своего собственного существования, смысла дающего основание и целесообразность самой его жизни. Специалисты, изучающие стрессы, отмечают, что для сохранения душевного равновесия человеку нужна какая-то цель в жизни, которую он считает высшей, и гордость, что он трудится ради ее осуществления.

Речь идет о фундаментальном вопросе человеческого бытия. В принципе он может быть поставлен в трех планах. Во-первых, как вопрос о представлении, о должном образе жизни, об образце, как надо жить. Во-вторых, как вопрос о реальном смысле жизни личности, объективной направленности жизни. В-третьих, как вопрос о субъективно осознаваемом смысле существования, как ответ конкретной личности на вопрос - зачем она живет. В первом случае речь идет о морали и нравственности конкретного общества. Во втором - проблема носит скорее религиозный характер. Нас будет интересовать третий случай – как проявление личностного самоопределения жизненной стратегии.

В спокойные жизненные периоды представления о смысле жизни неявны и даже неосознанны. Человек не может и не должен всегда и везде думать о смысле жизни. Более того, сами такие мысли есть симптом серьезных жизненных проблем, если не кризиса. Но в жизни человека есть периоды, в которые человек испытывает обостренную потребность в явной формулировке представления о смысле собственного существования. Проблема смысла жизни проявляется в критические моменты жизни, на изломе, иногда неожиданно для самого человека. Особую роль играют жизненные ситуации, ставящие человека на границу его бытия, заставляющие заглянуть по ту его сторону. Такими "пограничными" ситуациями являются тяжелая болезнь, утрата близкого человека или угроза смерти. Столкновение с такими ситуациями отрезвляют человека, вырывают его из суев будней, с особой ясностью и силой демонстрируют границы его бытия. А их осмысление - попытки личности разрешить вечные и проклятые вопросы человеческого существования - приводит к формированию наиболее глубинных установок и ориентаций, связанных с отношением человека к окружающей действительности в целом, жизни, своему месту в ней. Именно они, прежде всего, способствуют не только самоопределению личности, но и обеспечивают непрерывность ее самосознания "Я", выступают ядром представлений личности о самой себе, смысле ее жизни, дают ощущение и переживание этого смысла. Не дай бог думать о смысле жизни постоянно - сами такие мысли есть симптом отхода от нормы, серьезных жизненных проблем, если не кризиса. Но неосознаваемость проблемы - не означает ее отсутствия.

2. Проблема смысла жизни. Поэтому он всегда ищет оправдание и смысл своих поступков, как, впрочем, и смысл жизни вообще. *Смысл жизни - неотъемлемое условие самореализации личности, которая невозможна без построения, хотя бы даже только в сознании, своего жизненного пути во исполнение сокровенных целей и жизненных ценностей.* Вне такого смысла мотивация конкретных поступков теряет не только цель, но источник, живую энергию поступков и даже каждодневной активности.

Смысл жизни динамичен, формируется и изменяется вместе с личностью. Наверное, у человека есть три основных возраста. Первый – «ты со мной играешь или ты со мной не играешь?» За ним наступает второй – «ты меня понимаешь или ты меня не понимаешь?» Рано или поздно наступает третий возраст – «ты меня уважаешь или ты меня не уважаешь?» Человек не может жить в, где и когда его дела, заботы, он сам лишены смысла. Человек из такого мира уходит. Он там не нужен.

В жизни человека есть периоды, в которые человек испытывает острую потребность в явной формулировке представления о смысле собственного существования, есть периоды осмысления и переосмысления собственного жизненного пути. Это важнейшие периоды созревания и развития личности. В принципе можно выделить три смысложизненных кризиса: в молодости - как формирование перспективы (смерти нет), в зрелости - как осмысление настоящего (смерть возможна вообще) и в старости - как формирование ретроспективы существования и его оправдание (личностное отношение к смерти).

Юность, период первого осознания смысла жизни, характеризуется крайне низкой удовлетворенностью жизнью. Поэтому вопрос о смысле жизни в этом возрасте формулируется преимущественно как вопрос о жизненной цели: "Что делать?". В 25-30 лет по мере нарастания удовлетворенности жизнью вопрос о ее смысле отходит на задний план. Однако к 35 годам простой реализации целей становится недостаточно, и все более явно начинает испытываться вопрос: "А зачем?", причем его переживание тем драматичнее, чем менее осознавался смысл жизни в юности. К 40 годам заканчивается период самоутверждения личности. Интенсивная деятельность по осуществлению жизненных целей в основном завершена. В этом возрасте возникает особенно драматический кризис: "А та ли жизненная программа реализована?".

Наступает глубокая и принципиальная оценка и переоценка собственного жизненного пути. Человек впервые понимает, что вот он таков, а вот таков его дальнейший путь на оставшуюся половину жизни. Не каждый выдерживает эту "заданность" будущего и приемлет его. Часто в этом возрасте совершаются неожиданные для окружающих, а то и для самой личности поступки, и лишь потом становится ясным, что вызваны они были именно «шоком сорокалетия».

К 50 годам снова возрастает удовлетворенность жизненным путем: моя жизнь была не бессмысленной, прожита не зря. Речь идет не о простом принятии жизни пожилыми людьми, а именно об острой потребности ее осмысленности, признании этой осмысленности окружающими, уважения со стороны окружающих - близких, друзей, коллег и т.д. Пожилой человек нуждается в смысле жизни не менее подростка. Отсутствие этого смысла способно привести к третьему кризису.

Очевидно при этом, что такой смысл выходит за ограниченные пределы человеческого существования: в самой жизни смысла нет, но есть очень важная для человека проблема смысла жизни. Так, по мнению Н.А. Бердяева, возможны только два осмысленных варианта ответа на вопрос о смысле жизни: либо смысл жизни дан в рамках земного существования человека, либо он выходит за рамки земного жизненного пути личности. Но поскольку смысл жизни как бы возвышается над самой жизнью, позволяя осмыслять и судить ее, постольку он не может быть в самой жизни и оказывается связанным с религиозным сознанием, верой в загробное существование и страшный суд. В чем Н.А. Бердяев несомненно прав, так это в том, что вопрос о смысле жизни человека так или иначе оказывается связанным с осмыслением неизбежной конечности человеческого существования, отношением человека к краткости и концу его жизненного пути, осмыслением смерти.

Так же как смысл слова становится ясным только из контекста фразы, в которой слово используется, а смысл фразы становится понятным из контекста всего текста или практической ситуации, так и смысл жизни не может быть понят из самой жизни. Для этого надо выйти в ее "контекст", выйти за ее рамки, взглянуть на нее как бы извне. А что находится за рамками жизни, в ее "контексте"? Смерть? Не жизнь? Иная жизнь?

3. Жизнь и идея бессмертия. Действительно, проблема смысла жизни неотделима от проблемы смерти, которая занимает особое место в духовном опыте человечества и в философии - в том числе. Что такое смерть? Простое отрицание жизни - не жизнь? Или некая анти-жизнь - некий носитель качеств, которых жизнь лишена? Если жизнь конечна и несвободна, то смерть свободна? Или если жизнь - только фикция, неподлинное существование, то анти-жизнь (смерть) - подлинное существование? Именно на таких рассуждениях строится ряд известных и распространенных учений: о бессмертии души в христианстве, о нирване в буддизме. А может смерть открывает дорогу в иные жизни? Этому учат идеи о карме, о переселении душ (метемпсихоз) и т.д. Как "бытие к смерти" определял человеческое

существование немецкий философ XX века М. Хайдеггер. Наравне с Эросом - жизнеутверждающим началом, определяющим человеческое поведение, фрейдизм отмечает Танатос - влечение к смерти, инстинкт саморазрушения.

Страх смерти лежит в основе обыденного религиозного сознания. Неужели все, что я чувствую, думаю, помню, знаю - исчезнет с моей смертью? Именно такое острое неприятие смерти лежит в основе идеи бессмертия - религиозного пути решения проблемы нелепости и бессмысленности жизни. Желание жизни присуще и атеисту, и верующему, но стремление к долголетию и даже желание бессмертия еще не означает желая потусторонней жизни. Это подтверждает и реальное отношение к смерти самих верующих. И мифологическому сознанию, и христианству и буддизму, индуизму, иудаизму свойственно отношение к окончанию жизненного пути как к печальному, но не радостному факту. Этому отношению свойственно смирение перед неизбежностью и неотвратимостью конца земного существования.

Более того, можно утверждать, что сама мысль об индивидуальном бессмертии человека просто несовместима с идеей смысла жизни. Существование бессмертного, бесконечного существа такого смысла лишено. Поступки бессмертного существа, имеющего "достаточное время" в будущем (да и имевшего его в прошлом) для своего совершенствования, не могут подпадать под оценки с позиций добра, гуманности и т.д. Его существование лишено ценностей, идеалов, ответственности, оно не морально. Если уж что освобождает человека от унижающего его достоинство страха смерти, так это убеждение в правоте принципов и идеалов, разделяемых им в жизни и к воплощению которых он стремился. Можно вспомнить много выдающихся людей, проживших полнокровную и плодотворную жизнь, но не веривших в идею личного бессмертия и ставивших ее под сомнение.

Отказ от идеи личного бессмертия, однако, сам по себе еще не является решением о смысле жизни, и он должен, так или иначе, ответить на вопрос о смысле жизни и смерти. Простое обращение к научному знанию, научной картине мира такого ответа дать не может в силу внеличности этой картины. Природа внелична, безразлична, а иногда и безжалостна к человеку. Эту мысль хорошо выразил Ф.И. Тютчев:

*...Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Самих себя лишь грезю природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

Всякая честная философия должна говорить об этой драме человеческого существования, "жути" его бытия, говорить о том универсальном событии, которое происходит с каждым человеком. В истории человеческой мысли предлагались различные пути "спасения", преодоления "первой жути" человеческого существования, выработки конструктивного отношения к пограничной ситуации смерти: от религиозной идеи личного бессмертия до совета античных стоиков - совета замкнуться в свободе и независимости своего самосознания. И в том, и в другом случае человек оказывается оторванным от мучающей его реальности, которой противопоставляются свобода, сознание. Проблема тем самым разрешается не на деле, а в мысли.

4. **Memento mori.** (Помни о смерти) учили древние - эта память наполнит твои мысли и действия смыслом. Смерть при всей своей разрушительности выступает

мощным стимулом сознательного, осмысленного отношения к жизни. Зачем живу? Что оставлю после себя? Какие дела? Какую память? Различным культурам свойственно различное отношение к смерти, связанным с нею ритуалам. Так в похоронах могут быть выражены представления о загробной жизни и подготовки усопшего к ней: обеспечение его утварью, пищей, инструментами и т.д. Или похороны могут выглядеть как возврат человека, временно посетившего этот мир, в его изначальное и истинное существование. Показательно в этой связи различное отношение в конце XX столетия к такой проблеме как эвтаназия - возможность прерывания мучительного существования безнадежно больного человека. Если он находится в бессознательном состоянии, то кто вправе решить вопрос об этом? Родственники? Врачи? Суд? В разных странах эта проблема решается по-разному. Уже и в нашей стране появились хосписы - заведения, в которые поступают на последний период жизни безнадежные больные, и где им силами родственников и персонала оказывается всяческая помощь по обеспечению максимально гуманного и полноценного наполнения последних дней земного существования.

Особую роль в духовном опыте человечества имеет идея воскресения, возможности возобновления земного бытия в старом или каком-то ином качестве. Речь идет не только о религиозной идее Воскресения божества. Ярким примером нерелигиозной идеи Воскресения является философия "общего дела" российского философа Н. Федорова, согласно которой подлинно нравственным делом является общая деятельность живущих по физическому воскрешению своих предков. Идеи Федорова оказали серьезное влияние не только на философов (В. Соловьев и др.) или писателей (А. Платонов), но и на ученых, например, на К.Э. Циолковского, который стремился технически решить задачу будущего расселения воскрешенных предков посредством космических полетов и освоения космического пространства.

В культуре сохраняется память о личности, а не о биологическом виде. Как это ни покажется парадоксальным, смерть оказывается более социально значимой, чем рождение человека. Если факт рождения человека, когда он не более чем комочек плоти, существенен только для его родителей, то факт смерти становится общественным событием, Трizzly, некрологи, похороны - не что иное как торжество социальной сущности человека, выражение социальной значимости личности. Смерть и ее оценка современниками личности как бы ставит точку в сюжете ее социально-культурной жизни. Иногда лишь с годами приходит осознание величия одних личностей и ничтожества других. В конечном счете, время и история дают человеческой личности перспективу существования в культуре до тех пор, пока жива человеческая культура.

Вопрос о значении, о смысле жизни личности возможен относительно не человека вообще, а именно смертного человека. Только в этом случае можно говорить о ценностном масштабе жизнедеятельности личности. "Уничтожим масштабы жизни смертно о человека, - писал М.М. Бахтин, - исчезнет ценность переживаемого...". Поэтому вопрос о бессмертии разрешается именно в смерти - биологической смерти индивида, а перспектива сохранения личности - в воплощении ею своей жизнью определенного идеала, своей самоотдачи ему.

Преодоление "жути смерти" - не в противостоянии человека миру и обществу, а в сопричастности им и в ответственном поведении в них. Ценности и идеалы социального мира, сопричастность и самоотдача им дают человеку уверенность в незыблемости того, что ставится и ценится выше его собственного существования, что будет сохранено и передано грядущим поколениям, с чем человек соизмеряет собственные поступки и развитие. Осознание своего единства с миром, своей сопричастности ему преодолевает барьер между миром и человеком, отчуждение

между ними, включая противостояние, чуждость и загадочность природы для человека.

Человеку дан дар познания мира, его осмысления. Осмысленность же предполагает включенность человека в мир, его единство с ним, осознание на основе сопричастности и самоотдачи. И в различных культурах выработан широкий арсенал технологий, позволяющих человеку пережить опыт такой сопричастности: от медитаций до прочих психотелесных опытов.

Поскольку же мир человека социален, то именно социальная культура дает ту живую традицию, принося к которой человек включает себя в преемственную связь достижений человечества. Эта связь дает человеку не иллюзию бессмертия и не просто сознание того, что его труд и дела не пропали даром (могут и прекрасно могут пропасть!), а нечто значительно большее - уверенность в наличии существования того, что ставится и ценится выше собственного бытия, того, с чем он сверяет собственное существование, к чему он сам стремится приобщиться, воплотить и приобщить потомков, - наличие определенных ценностей и идеалов. Они одновременно дают основание смыслу жизни человека и позволяют этому смыслу интегрироваться в единое неповторимое индивидуально целое личности.

Нет, и не может быть личности, которая бы жила исключительно своими интересами, не посвящая жизнь ценностям, в свете которых эта жизнь приобретает смысл, значение, хотя бы оправдание. Эти ценности всегда связаны с определенной культурой. Поэтому сознание смерти вовсе не обязательно должно перерасти в представление о потустороннем существовании. Скорее наоборот, "потусторонний" мир идеалов и ценностей, к воплощению которых стремится личность, позволяет ей приобрести смысл жизни и основание для ее сохранения и реализации. Представления о потустороннем - неотъемлемая часть образа мира, который лежит в основе любой культуры любой эпохи. Эти представления могут разрастаться в чрезвычайно богатую картину, и могут быть "нулевыми", когда небо пустеет и по ту сторону жизни находится небытие. В любом случае оба мира - жизни и смерти - присутствуют в сознании культуры и определяют ее существенные черты. Именно в этом "потустороннем" мире - мире должного, мире идеалов - человек находит смысл своих действий и существования в целом.

5. Смысл жизни и любовь. Смысл жизни всегда конкретен, подвижен. Он не может быть расплывчатым, типа "быть хорошим человеком". В нем должны быть вполне определенные представления, формулирующие конкретные цели как образы желаемого будущего. Только в этом случае эти представления могут стать действенной побудительной силой, наполняя поступки человека волей и силой. Но смысл жизни не сводим и к конкретным целям – в этом случае возможны жизненные трагедии. Так, если человек видит смысл своего существования в том, чтобы поступить именно в такой-то институт, работать именно в такой-то фирме, жить именно в таком-то городе, то неудача в этих начинаниях, приводит личность к краху, а удача лишает дальнейшую жизнь смысла.

Наиболее полно потребность оправдания своего существования реализуется в любви. Только в глазах и сознании любящих человек самоценен. Отношение, лишенное любви, направлено не на саму личность в ее неповторимости, а на ее роли и качество выполнения этих социальных функций. Для любящего же важны не сами поступки, а их мотивы, желания, внутренний мир любимого. Любовь - ни что иное, как высшая форма взаимной сопричастности и самоотдачи. В этом плане она является несомненным, высшим благом, дающим острое ощущение и переживание счастья, смысловой полноты существования. Не случайно сама любовь, особенно любовь взаимная, так привлекательна, обладает таким мощным нравственным потенциалом,

способна перевернуть душу человека. Однако любовь - лишь высшая форма утверждения и самоотдачи личности. Существуют и другие формы этой самореализации личности: дружба, проявления симпатии, доверия, просто заинтересованного отношения, внимание, забота.

Но что придает этому комплексу переживаний целостный характер? Очевидно - неповторимый сюжет жизненного пути. Судьба. Каждое человеческое "Я" занимает свое, только ему принадлежащее место. Я - незаменимый и абсолютно единственный член мирового целого, в которое оно вплетено собственной жизнью.

Смысл жизни, таким образом, выходит за ограниченные пределы человеческого существования: нет, и не может быть личности, которая бы жила исключительно своими интересами, не посвящая жизнь чему-то, в свете чего эта жизнь приобретает смысл и оправдание. Человек не просто «заброшен в мир», будучи обречен на одиночество в нем. Представления о смысле жизни дают уверенность в наличии того, что ставится и ценится выше собственного бытия, того, с чем он сверяет собственное существование, к чему он сам стремится приобщиться: дети, работа, научная, политическая или религиозная идея... Они одновременно дают основание смыслу жизни человека и позволяют этому смыслу интегрироваться в единое неповторимое индивидуально целое личности.

3.7. Поведение и поступок. Мотивы и мотивация поступка

1. Поступок как произвольное действие. От чего зависят совершаемые нами действия? Делает ли личность самостоятельный выбор? Или человек полностью зависим от жизненных обстоятельств и от него самого мало что зависит? И вообще – хозяева ли мы своей жизни? Если мы не пытаемся ответить для себя на эти вопросы, не пытаемся разобраться в самих себе, то мы будем обречены постоянно воспроизводить одни и те же сценарии и жизненные ситуации, объясняя этот «заколдованный круг» судьбой, роком, чьей-то злой волей.

Следует различать действия, зависящие и не зависящие от самого человека: произвольные и произвольные. *Непроизвольные действия - импульсивны, реализуются на основе неосознаваемых побуждений.* Это и чисто биологические реакции, рефлексy, инстинкты, и реакции водителя автомашины, и преступление, совершенное в состоянии аффекта. Всех их объединяет отсутствие сознательных намерений и плана их осуществления.

Произвольные же действия предполагают наличие целей, осознание возможности их достижения, знание путей, ведущих к цели, препятствий на этом пути и способность их преодоления. Поэтому произвольные действия иногда еще называют волевыми. Однако произвольные действия мы совершаем иногда не только по своей воле - когда действуем по заданным требованиям, правилам, предписаниям, приказам или инструкциям.

Собственно человеческим действием, сознательным поступком является произвольное действие. Под действие закона, правовую и нравственную оценку подпадают, прежде всего, именно поступки, то есть действия, предпринятые на основе нашего свободного решения, свободного волеизъявления: гражданские сделки, вступление в брак, приказ, умышленное преступление. *Предпринимая поступок, человек осуществляет выбор, фактически определяя свою судьбу.* Он не подчиняется неизбежности обстоятельств, а вырабатывает сознательное решение, т.е. отчетливо представляет себе цели своих действий, их ожидаемый результат и возможные последствия. "Поступки, освещенные сознанием, - писал Л.Н. Толстой, - это такие

поступки, которые мы совершаем свободно, то есть, совершая их, знаем, что мы могли бы поступить иначе".

В реальной жизни все виды человеческой активности переплетаются, дополняют, поддерживают друг друга. Так, художественное, научное, техническое творчество, спорт предполагают не только выбор определенной позиции, замысел и его воплощение (поступок), но и следование определенным правилам, и способность к тонким физическим реакциям. Любые профессионализм и мастерство - сплав реакций и поступков с действиями по определенным правилам, причем осуществляемых свободно, добровольно и ответственно.

Однако именно поступок наиболее явно реализует нравственный и интеллектуальный потенциал личности, ее позиции, установки и стремления. Механизм поступка сводится к связи и взаимодействию внешних и внутренних процессов и состояний, вызывающих решение совершить определенное действие, направляющих и контролирующих его исполнение. Поступок не только произволен, он – вменяем, является осознанным действием, за которое (вместе с его результатами) ответственна личность.

Более того, даже бездействие, воздержание от действия, если оно сопряжено с определенными мотивами, может выступить поступком и иногда - смелым и мужественным. Уголовное право даже предполагает ответственность за преступную бездеятельность. Воздержание возможно в двух основных формах: "сильной" - как прямой отказ от действий и "слабой" - как уклонение от этих действий. В обоих случаях воздержание, как и любой поступок, предполагает его объяснение, понимание и оправдание. Поэтому уклонение от жизненного выбора, отказ от самоопределения все равно оказываются выбором позиции, которая сказывается на жизненном пути и за которую все равно, в конечном счете, приходится нести ответственность.

2. Границы ответственности. Вменяемость включает в себя обе характеристики поступка: сознательность и ответственность. Поэтому границы поступка совпадают с границами собственно личности, ее ответственности. Эти границы динамичны и подвижны. Они зависят от культуры, которой принадлежит личность. Известны средневековые процессы над младенцами и даже над домашними животными: котами, собаками, свиньями, печально заканчивавшиеся для "обвиняемых". В 1593 г. был сечен кнутом и сослан в Сибирь церковный колокол, которым били в набат в связи с убийством царевича Димитрия в Угличе. Мировоззренческой почвой для всех этих преследований выступало одушевление природы, стремление человека во всех явлениях окружающего мира видеть действие намеренных сознательных сил - добрых или злых. Любое явление рассматривалось как "поступок". Можно сказать, что в прошлом мир человека, включая и космос, был миром личностным, миром поступков.

В настоящее время в цивилизованном обществе правовые границы личности как субъекта поступка и ответственности за него, практически совпадают с границами психотелесной целостности индивидуальной человеческой личности. Причем даже эти границы подвижны, зависят от возраста и психического здоровья личности. Несовершеннолетний (а в каждой культуре свои правовые границы совершеннолетия) или психически больной (невменяемый) человек в эти границы не попадает, т.к. не отвечает за свои действия в силу недостаточности интеллектуального и нравственного развития или в силу болезненного состояния. За этими границами человек не является личностью, так как невменяем (ребенок, психически больной и т. п.). Однако в круг правовой ответственности попадают и некоторые общности людей - "юридические лица" типа фирм, трудовых коллективов, общественных организаций.

Можно говорить об общеисторической тенденции «сужения» границ поступка и ответственности: от племени, общины, рода до психотелесной целостности индивида к

определенным этапам его жизненного пути (например с 18 лет), а то и состояния (психического здоровья). Речь, действительно и буквально идет о постепенном сужении этих границ - как правовых, так и нравственных. Этот процесс сужения границ ответственности (а значит - и личности) явно углубляется. Похоже, что в начале XXI века «Я» превращается в просто "точку сборки ответственности".

Понять поступок – значит уяснить не столько то, что человек сделал, или даже - почему он это сделал, сколько - зачем. Именно это нередко интересует следствие, суд: были ли и какие мотивы у подозреваемого или подсудимого, смягчают или отягчают они вину? Спор между защитой и обвинением зачастую ведется не столько по поводу вещественных доказательств, сколько вокруг мотивов поведения личности.

Но даже результаты действия не могут однозначно относиться к конкретному поступку. Они могут зависеть от намерений личности, а могут и не зависеть. Если человек получил производственную травму или утонул, купаясь в реке, то насколько эти результаты его действий явились следствием его намерений? И разве мы не встречаем в жизни людей, склонных видеть свои заслуги в результатах деятельности или событиях, к которым они имели отношение очень и очень косвенное. Поэтому необходимо уточнить не только границы поступка, но и его составляющие, выявить его "скрытый схематизм", взаимодействие частей которого и может рассматриваться как поступок в действии.

3. Проблема мотивации поступка. В самом общем виде разъяснение природы поступка можно свести к двум подходам. В первом случае человек предстает автоматом, поведение которого целиком и полностью определяется воздействием внешних сил. Именно на этой модели основаны и анимизм, и практики судов инквизиции и изгнания дьявола, и теория и практика примитивно-марксистской педагогики и идеологической работы. От самого человека практически ничего не зависит. Его мысли и действия предопределены окружающей средой, внешними факторами, пресловутым влиянием среды, улицы, происхождения, демоническими и ангельскими силами добра и зла... Убрать или заменить их - и человек меняется, перевоспитывается, "перековывается".

Во втором случае человек - носитель некоего специфического начала, проявления и импульсы которого определяют внутреннюю и внешнюю жизнь личности. Спектр реализаций этого подхода не менее широк, чем у предыдущего. Это и банальные трактовки человека в зависимости от знака Зодиака, под которым он родился, и восходящая к античности концепция темпераментов, связанных с соответствующими "стихиями", и объяснение поведения человека действием инстинктов.

В обоих этих подходах человеческое поведение полностью предопределено: либо какой-то исходной "программой", заложенной в него при рождении, либо человек оказывается игрушкой, марионеткой внешних сил.

Очевидно, что возможен и третий подход, в основе которого лежит модель дисбаланса (дисгармонии) человека и окружающей среды, порождающая ощущение дискомфорта. Эта модель человека как динамического равновесия импульсов внешней среды и внутренних мотивов также имеет глубокие корни в истории, однако, наибольшее развитие она получила в последние два столетия. Именно она лежит в основе модели "потребностной" в психологии и экономике, в политэкономии и маркетинге.

Современная наука стремится к обобщению и развитию достоинств упомянутых подходов. Одним из направлений такого развития является учет прямых и обратных связей в рассмотрении реальной динамики "дисбаланса". Любые факторы,

определяющие человеческое поведение объективны, но они реализуются лишь, став субъективными. У человека все побудительные силы, вызывающие его действия, должны превратиться в побуждения его воли, стать его потребностями. Потребности - ни что иное, как переживание человеком дискомфорта. Человеку может чего-то не хватать или наоборот, он может испытывать напряжение от избытка каких-то собственных обстоятельств. И то и другое - проявление и переживание дисбаланса, нарушенного соответствия и гармонии человека с окружающей средой.

Потребности выступают факторами, побуждающими человека к конкретным действиям и поступкам. Можно признать, что человеком движут три основные группы потребностей. Во-первых, *вегетативные потребности* - индивидные инстинкты, связанные с самосохранением и биологическим ростом организма. Во-вторых, *сексуальные потребности* - инстинкт продолжения рода, связанный с сохранением и продолжением индивида в других. Обе эти группы потребностей, как система биологических потребностей организма, образуют биологическую поддержку личности и культуры, их существования и развития. В-третьих, это *инстинкт культуры или потребность в бессмертии*, связанная со стремлением человека сохранить и продолжить себя за рамками биологического существования в мире продолжающейся культуры.

Все три группы потребностей есть потребности самоутверждения - самосохранения, продолжения существования в роде и даже за рамками рода. Ни в коей мере не следует преуменьшать роль биологических потребностей. Их роль вообще трудно преувеличить. Она огромна. Но конкретная жизненная сила (витальность) - предмет биологического и физиологического, но не философского рассмотрения. Философа интересует не то, что нивелирует человека с любым живым организмом, а специфически человеческое, то, что выделяет его. Говоря о человеческом поведении, приходится признать, что даже реализация вегетативных и сексуальных потребностей - чисто биологических витальных потребностей - окрашено в цвета инстинкта культуры, оформлено и упаковано культурными потребностями. Культурные потребности есть осознанное самосохранение. Он связан с самосознанием, осознанием идеалов, ценностей, норм, прорастающих в биологическое и сексуальное поведение, превращающих их в собственно поступки, а иногда даже - в случаях самоотверженного поведения или суицида - пересиливающих витальные потребности.

Потребность, как исходный дискомфорт, развертывающийся в субъективном плане, становится мотивацией поступка. В этой связи следует различать часто отождествляемые понятия: стимула и мотива действий. Стимулы - внешние побуждающие воздействия (поощрения, наказания, принуждение). Стимулы, в лучшем случае, могут содействовать изменению мотивации, но сами они быть мотивами не могут. Более того, взятое само по себе, вне мотивации, внешнее воздействие может приводить к результату, диаметрально противоположному по отношению к ожидаемому.

Извне с человеком можно сделать много чего: применить насилие, ограничить свободу, посадив на цепь или под замок, лишить жизни. Но даже под пыткой или угрозой смерти разные люди будут вести себя по-разному, и зависеть это будет не столько от характера применяемых стимулов, сколько от взглядов, убеждений, представлений, намерений и т.д., короче - мотивов данной конкретной личности.

Потребности могут быть самыми различными. Они динамичны, постоянно переходят друг в друга и зависят от конкретных исторических и культурных условий. Существуют различные перечни, классификации потребностей и интересов, движущих людьми. Каждая из таких классификаций имеет свои достоинства и недостатки.

Однако главным представляется уточнить общий механизм запуска и осуществления поступка, вне зависимости от конкретного содержания потребностей.

4. Последствия поступка: ожидаемые и непредвиденные. Прежде всего, потребности и интересы определяются *стремлениями* и *намерениями*, в основе которых не просто осознанная потребность (хочется чего-нибудь "такого"), а цели - конкретный образ желаемого результата. "Этого нет, но я хочу, чтобы оно было!" или "Это есть, но, я хочу, чтобы его не было!". Однако давно замечено, что человеком движут не только и не столько его представления о желаемом будущем ("Хочу"), сколько представления о не желаемом настоящем ("Не хочу!"). Обычно человек яснее и четче представляет то, чего он не хочет, чем-то, чего он хочет. Потом, задним числом, он объясняет сам себе, чего же он «хотел». Или ему в этом помогут близкие, коллеги, специалисты-психологи.

Интересы не исчерпываются проявлением стремлений ("хочу" и "не хочу"). Не меньшую, если не большую роль играют возможности человека. Хотеть, как говорится, не вредно. Необходимы еще и представления в средствах, путях достижения целей. *Речь идет о потенциале личности: способностях, умениях, подготовке, квалификации и прочей "вооруженности" к совершению конкретных действий.* Очень часто такие "могу" и "не могу" играют главную роль, когда возможность нечто совершить опережает выработку ясных представлений о намерениях. Сплошь и рядом люди не хотят того, к чему у них нет способностей или чему их не научили. Человек с плохой координацией движений обычно не любит танцевать, а тот, у кого отсутствуют музыкальный слух и голос обычно не любят петь публично. Но зато мы любим то, что у нас получается, стремимся к этому. Определенные физические данные, удачные тренировки юноша или девушка видят свое будущее в спорте. Хорошие дикция, память, не отталкивающая внешность делают привлекательной артистическую карьеру. Знание иностранных языков – карьеру переводчика, а то и дипломата.

Соотношение намерений и возможностей во многом определяет эмоциональный настрой личности. *Эмоция* является выражением соотношения информации, необходимой для удовлетворения потребности с той информацией, которой человек владеет.

Соотнесение намерений с возможностями, целей – со знанием о путях и способах их достижения дает *решение* противоречия между реальным и необходимым, заложенного в потребности. В сознании личности как бы разворачивается программа ее удовлетворения. Сама возможность выработки плана, принятия соответствующего решения является мощным мотивационным фактором. Выполняет человек свое решение или нет, причастен ли он выработке этого решения, во многом определяет его отношение к происходящему.

Выработанное и даже принятое решение не всегда выполняется. Поэтому частью мотивационного комплекса является сама *воля* – как сознательное усилие по совершению конкретных действий. Энергия воли есть, прежде всего, сама возможность приведения в соответствие "хочу - не хочу" и "могу - не могу". Несоответствие намерений и возможностей способно деморализовать, обессилить личность. Если же это соответствие достигнуто, то желаемому и реально действительному придается единый статус существования, они как бы ставятся на одну доску.

То же относится и к техническому, и к художественному творчеству, и к политической деятельности, и к обыденному поведению. Условием их реализации является придание желаемому (должному) статуса «как бы сущего» и переживание личностью своей причастности этой единой плоскости желаемого должного и

реально существующего. Без сопричастности личности этому единству, самоотдачи ей - невозможна никакая человеческая активность. Только при этом условии исследователь услышит в пощелкивании счетчика Гейгера уровень радиации, в пятнах на фотографии пузырьковой камеры – траектории движения элементарных частиц, политик накануне выборов - расстановку политических сил...

Выражаясь философически, такой синтез желаемого должного и реально сущего выступает "импульсом" человеческого бытия, который кратко может быть выражен формулой: "Да будет!" Заключить желаемое в действительное, а действительное в желаемое - предпосылка осмысленного человеческого действия. Как писал Гете, "Жить в идее - значит обращаться с невозможным так, как будто бы оно возможно". Вслед за Л.Н. Толстым эту движущую силу поступков и творчества можно назвать "энергией заблуждения". Человек, которому никак нельзя отказать в знании природы волевого поступка и умении это знание реализовывать в спорте, литературе, борьбе с недугами и в политике, - олимпийский чемпион и многократный рекордсмен мира Ю.П. Власов удачно выразил сущность этого механизма в названии одной из своих книг: "Формула воли - верить".

Волевое усилие возможно только на основе сопричастности и самоотдачи личности тому, чего еще возможно нет, но что, как представляется, должно быть. Люди способны даже отрицать сущее во имя должного, преобразовывать мир во имя долженствующего идеала. Какой бы мотив не приводил в действие поступок, он всегда разворачивается и осмысливается и оправдывается в плоскости единства должного и реального. Поиск и нахождение такого единства, которому человек мог бы отдаться и быть сопричастным - главная проблема свободы воли. Отсюда человек черпает силы и импульсы к действиям. Есть импульс "Да будет!", есть «энергия заблуждения» и тогда - как в песне - "Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу!". Только тогда политик приступает к программе реформ. Только тогда творят художник и изобретатель.

Знание фактов, профессиональные знания и подготовка способны придать уверенность в оправданности целей и нравственной правоте. Когда хирург вскрывает брюшную полость и обнаруживает там воспаленный аппендикс, у него не возникает сомнений в том, что ему делать - если он не удалит воспаленный орган, пациент умрет. В этом случае истина, факт диктует поступок, «есть» определяет «должно». Как говорил Сократ, ни один человек осознанно не предпочтет неверное верному, не выберет дурное вместо хорошего. Все люди хотят хорошего, но дорога в ад вымощена благими намерениями. И чаще всего в основе плохого выбора - невежество. Большее знание, более точное знание ведет к более верным действиям, хотя бы потому, что опирается на более глубокое понимание причин и следствий в этом мире. А упования наши на Господа Бога, как говорил гениальный немецкий философ И. Кант, должны быть настолько полными, что не должны примешивать его к нашим проблемам.

Совершаемый поступок приводит к результатам: непосредственным и отдаленным. Первые связаны с непосредственными физическими действиями: телодвижениями, жестами и т.п. Даже такие простейшие действия, как нажатие кнопки звонка или произнесение слова, предполагают такие движения. Отдаленный результат образует собственно итог, результат поступка - некоторое событие, реальный факт. Результат этот может быть существенным - тот, ради которого и предпринимался поступок, а также несущественным – побочным следствием совершенного поступка. Так, если мы открываем окно, то существенным результатом является сам факт его открытия, а несущественным - например, скрип петель окна или то, что в комнату влетел комар.

Непосредственные и побочные следствия поступков создают цепочки, сети необратимостей, из которых и составляется, ткется ткань человеческого бытия, жизни

общества в целом. Что первоначально выглядит несущественным, потом в жизненной ретроспективе может предстать переломным событием человеческой истории

3.8. Совесть как «внутренний закон» индивида

1. Ценностное содержание поступка. Для человека как социального существа важен и существен результат не сам по себе, а результат значимый. Поэтому *содержание поступка и его мотивация включают в себя также и оценку - не только результатов и используемых средств, но и предпринимаемых усилий, а также намерений и возможностей личности.* Речь идет об оценке - как со стороны социума, так и самой личности. Более того, сама эта оценка выступает как еще один мотивационный фактор. Таким образом, круг замыкается. В содержание поступка входят намерения, возможности, приведение их в соответствие (решение), полученные результаты (непосредственные и отдаленные), а также их оценка самой личностью и другими людьми.

Если отвлечься от биологических потребностей, которые объединяют человека животным миром (потребностей в еде, сне, тепле или в продолжении рода), оставить только собственно человеческое, то останется всего одна потребность. Единственная, хотя и по-своему - интегральная. Потребность быть сопричастным чему-то тому, что придает смысл моему существованию: политическая или научная идея вера, дело, дети... - дом души у каждого свой. И в этой сопричастности не быть забытым, потерянным, быть замеченным, именованным, окликнутым.

Речь идет, таким образом, о потребности быть оцененным, быть оправданным в отдельных поступках и в жизни в целом. Оправданным - значит не лишенным основания, укорененным, принадлежащим какой-то общности "мы", быть единым с нею, нераздельно слитным, но одновременно и отмеченным в ней, не забытым, окликнутым.

Но успех успеху рознь. В глазах одних людей профессиональные достижения будут очевидным успехом, а в глазах других - не менее очевидно - нет. Успех может выражать как внешнюю оценку, так и внутреннюю самооценку. О чем идет речь, когда говорят об успехе? Об оценке другими людьми? Тогда кем? Родственниками? Друзьями? Начальством? Средствами массовой информации? Потомками? Или самим индивидом? Но если ответ на вопрос "Кто оценивает?" в случае с успехом более или менее ясен, то ответ на вопрос "Что оценивается в качестве успеха?" порождает еще большую многозначность. Может быть, успех это - достигнутый результат какой-то деятельности? Тогда - какой результат? Материально-вещественный? Финансовый? Или какой другой? Или действия, приведшие к достижению результата? А может быть сама личность? Ее отношение к делу? К другим людям? Ее характер?

Можно говорить о трех аспектах оценочного содержания успеха. *Во-первых, успех это достижение: успешной может быть только результативная деятельность, связанная с достижениями конкретных целей.* И чем в большей степени эти цели достигнуты, тем в качестве более успешной будет расцениваться эта деятельность. *Во-вторых, деятельность тем более успешна, чем в большей степени она оптимальна относительно времени, сил и прочих средств.* И, наконец, *в-третьих, самое главное, успешной может быть только та деятельность, которая соответствует реальным и насущным чаяниям, надеждам и проблемам, направленная на их реализацию.* Последнее обстоятельство иногда называют "культурным контекстом", "контекстом эпохи" или "модой".

На успешность оцениваются: используемые средства и оптимальность их использования, результативность, но, прежде всего, соответствие результата и

использованных для его достижения средств - системе ценностей и норм, принятых в данной культуре. Поэтому всегда, когда заходит речь об успехе, следует уточнять: во-первых, кто и с каких позиций оценивает; во-вторых, какие именно достижения и чего, каких целей оцениваются; в-третьих, о каком использовании каких средств идет речь? Только в полноте и соотнесении таких уточнений можно говорить об оценочном содержании успеха.

2. «Формула счастья». Человек всегда и везде, осознанно, но чаще - бессознательно, зависим от оценок его другими, им самим. Этими оценками питается эмоциональная и сознательная внутренняя жизнь человека. Самооценку личности, степень ее уважения к себе самой традиционно рассматривают как величину, прямо пропорциональную социальному признанию (одобрению, успеху) и обратно пропорциональную уровню притязаний личности. Согласно Л.Н. Толстому, ощущение человеком счастья прямо пропорционально тому, что о нем говорят другие и обратно пропорционально тому, что человек думает о себе сам. С этих позиций все достаточно просто: хочешь быть счастливым - добивайся успеха, снижай уровень притязаний и будь счастлив!

На первый взгляд, "формула счастья" полностью подтверждается традиционной этикой и современной социальной психологией: человеком движут, прежде всего, стремление к успеху и избегание неудач. Эти стремления коренятся в человеческом бытии, определяют социальные эмоции, переживание гордости, стыда, смеха. На этой основе строятся типологии личности, культурологические обобщения. Например, западная культура трактуется как ориентирующая личность преимущественно на успех, а восточная (прежде всего - индийская, китайская и японская) - как ориентирующая преимущественно на избегание неудач. В итоге получается «гордый западный» человек и «стыдливый восточный». Такие упрощения интересны и иногда полезны в практическом плане. Но они существенно огрубляют реальное положение дел и сталкиваются с серьезными трудностями в объяснении человеческого поведения.

Из «формулы счастья» следует (и экспериментальные данные это подтверждают), что у людей, ориентирующихся на успех, формируется своеобразная «вера в справедливость мира»: мои успехи являются целиком и полностью моей личной заслугой, и значит я лучше - мир справедлив! А если другой человек попал в беду, значит, он сам заслужил свои несчастья. Со мною, ведь, этого не случилось, поскольку я лучше – мир справедлив! Такие люди винят в своих неудачах других, обстоятельства, не берут на себя ответственность за случившееся. Это делает такую личность чрезвычайно зависимой от внешних обстоятельств и других людей.

Стыдящиеся же неудач, боящиеся «потерять лицо» оказываются более жизнестойкими, поскольку ответственность за происшедшее предпочитают брать на себя и в себе же ищут возможности и ресурсы преодоления жизненной или творческой проблемы.

Неудача оказывается предпосылкой, формой успеха. В этом плане показательна ситуация с молодежью. Вступающий в жизнь молодой человек видит себя "всем", примеряя на себя различные жизненные программы и проекты. В нем ключом бьет инстинкт свободы и самоутверждения. И в этом заложен колоссальный потенциал молодости, готовой к великим свершениям.

3. Типология успеха Успех и неудача – явления сложные, требующие уточнения их содержания, соотнесения с уровнями социальной и нравственной зрелости личности.

Успех - признание наиболее очевиден и прост. Его типичным примером является популярность. Известность киноартиста, звезды эстрады, спортсмена, футбольной

команды, об успехах которых вещают средства массовой информации, фотографии, подробности жизненного пути и личной жизни, толпы почитателей, ожидающих автографа или просто взгляда, крайнее выражение такого рода успеха. Не каждый человек способен его выдержать, не всякая личность проходит через него без нравственных деформаций. Не случайно народная мудрость выстраивает по нарастающей испытания огнем, водой и медными трубами.

Медные трубы славы, успеха-популярности не каждому под силу. Для незрелой личности такой успех становится подтверждением «справедливости мира». Значит я действительно так велик! Ведь я это заслужил! Для неокрепшей души этот успех – нередко достаточно случайный и мало зависящий от работы души – становится чем-то вроде наркотика.

Вместе с тем, для молодого человека, только вступающего в жизнь, испытывающего глубокий душевный дискомфорт в связи с обостренной потребностью в самоуважении, успех-признание необходим как воздух. Это, кстати, отлично понимают хорошие руководители, воспитатели, родители, режиссеры и тренеры. Как бы хорошо ни был подготовлен коллектив или воспитанник, если вовремя не придет признание, коллектив, труппа, спектакль, концертная программа развалится, команда, спортсмен “перегорят”. И наоборот - если вовремя придет успех-признание, то у коллектива, команды, артиста, спортсмена, подчиненного вырастают “крылья”, появляются новые силы, перед ними открываются новые горизонты и новые проблемы - фактически, возникает новый уровень притязаний и мотиваций. Поэтому хорошие воспитатели и руководители придают большое значение таким “малым успехам” своих подчиненных и воспитанников, даже планируют их.

Психологические исследования выявляют парадоксальное, на первый взгляд, обстоятельство. Оказывается, что нередко похвала действует деморализующе, а порицание способствует повышению самооценки и самоуважения. Так, если с порицанием выступают любимые родители, авторитетные учителя, то за их порицанием скрывается высокая оценка тебя и твоих возможностей: от тебя ждали и ждут чего-то большего. И наоборот - если от “значимых других” исходит похвала, значит, от тебя большего не ждали и не ждут.

Успех - авторитетная оценка. Здесь речь идет уже не просто о социальной оценке, а об оценке важной, престижной для самого человека. Для разных личностей значимыми другими являются разные люди: родители, друзья, коллеги... Если родители, учителя, наставники, по каким-то причинам утратили реальный авторитет, то нередко такими “значимыми другими” становятся просто те, кто замечает и одобряет проявления стремления выделиться: уличные компании, “фанатики” какого-то спортивного клуба, ансамбля, исполнителя. Еще хуже обстоит дело, если “значимыми другими” становятся антиобщественные, а то и преступные элементы. Сколько ложных авторитетов возникает на “пустом святом месте”!

Успех-преодоление. Давно замечено, что в экстремальных, критических ситуациях человек раньше взрослеет как личность. Человека делают личностью, в конечном счете, не воспитательные поучения, а преодоленные им трудности, самостоятельно решенные им проблемы и задачи. Речь идет об опыте побед, свидетельстве компетентности, реальных возможностей личности, того, что она может. Недостаток опыта и компетенции способствует деморализации личности, формированию у нее комплекса “неудачника”. И наоборот - осознание своих сил и возможностей, достаточных для разрешения жизненных и профессиональных проблем, дает мощный заряд положительных эмоций.

Но этот вид успеха может служить и основой мотивации опасного поведения. Тонут, как известно, не те, кто не умеют плавать или те, кто действительно плавают

хорошо, а те, кто считают, что плавают очень хорошо. Освоив определенную деятельность, человек в стремлении к самоутверждению, в погоне за таким самоутверждением и положительными эмоциями начинает “испытывать судьбу”, ставить себе сверхзадачи, иногда на грани допустимого риска - хорошо бы только своей жизнью, а то иногда и жизнью других.

Альтернативой опасному поведению "экстремала" может быть творческое поведение мастера. Если опасное поведение – в общем-то не создает ничего нового, внося лишь “острое” переживания в духовную жизнь субъекта, то творчество всегда связано с получением нового результата.

Успех - самопреодоление и самосовершенствование. В конечном счете, любое преодоление есть по сути дела самопреодоление, приобретение нового опыта, выход к новым горизонтам. Стремление стать «больше чем есть», может проявляться, например, в установке на преодоление самого себя, как стремление к самосовершенствованию, ко все большему мастерству и профессионализму.

В успехе как самопреодоления и самосовершенствовании еще в большей степени, чем в признании “значимыми другими”, проявляется роль самой личности, ее самооенок в самоутверждении, ее большая свобода от внешнего признания. Это обстоятельство достаточно типично для мотивации «мастера», который ориентируется на оценки, в лучшем случае, таких же мастеров, а чаще – на свои собственные, поднимая планку представлений о совершенстве.

4. Призвание и самозванство. Что заставляет человека искать, находить и решать все новые и новые проблемы? Что, например, заставляло М. Булгакова годами работать над рукописью романа “Мастер и Маргарита”, переделывать и совершенствовать его, зная, что при его жизни роман не будет опубликован? Что двигало великим реформатором церкви М. Лютером, когда в ответ на отлучение его от римской католической церкви, он не только публично сжег папскую буллу об этом отлучении, но и отлучил от лона римской католической церкви самого папу Льва X и его кардиналов? Что заставило его, стоя перед судом императора Карла V в ответ на требование об отречении произнести ставшие историческими слова: “На том стою и не могу иначе”? Что это? Непомерная гордыня? Великое самомнение? Все, то известно об упоминавшихся людях, их высокая духовность, личная скромность говорят, что речь идет о чем-то ином.

Очевидно, что это не проявление ориентации на признание конкретных результатов деятельности. Значимой оказывается не оценка результатов, а сама возможность осуществления определенной деятельности. Человеком в этих случаях явно движет некая глубоко им осознанная необходимость совершения вполне определенных поступков, своей *призванности* (“если не я, то кто?”, «не могу иначе») и ответственности за реализацию этого призвания.

Если речь идет о каком-то внешнем “надо”, которому подчиняется личность, то человек не может быть ответственным – он действует не от себя лично, а от имени инстанции, от которой исходит требование. Тем самым человек придает безответственности видимость обоснованности и высшей целесообразности. Такое сочетание порождает взаимодополняющие безответственности деспотизма и рабства, появление манипуляторов - безответственных самозванцев, оперирующих лишенными ответственности людьми. “Не могу иначе” ориентирует принципиально на инициативу и самостоятельность. И то и другое - осознанная необходимость, но в первом случае - необходимость внешняя - то, что я не могу обойти, во втором - необходимость внутренняя, пережитая, без чего я не могу обойтись.

Шкала мотивации от признания к призванию есть шкала уменьшения зависимости личности от социального окружения и нарастающей свободы и ответственности. В случае мотивации успехом популярностью человек полностью зависим от того, заметят ли его, отметят ли его другие, в случае же призвания мы имеем уже автономную личность.

Осознание своей призванности требует от личности отказа от легкой, спокойной и удобной жизни. Призванный - кем бы он ни был (политиком, увидевшим путь всеобщего благоденствия, религиозным деятелем, увидевшим пути всеобщего спасения, изобретателем или художником) - нередко приносит неудобства и даже боль своим близким. Но отступить от своего призвания он не в силах. Личность, осознавшая свое призвание беспощадна по отношению к себе, она взвалила на себя ответственность за всех, а то и за весь мир - "если не я, то кто?". Но тогда чем призвание отличается от одержимости, которая, как и любое самозванство - безответственна? Существуют ли критерии отличия одержимого самозванца от призванного творца; невменяемого фанатика от святого. Речь идет, фактически, о границе между добром и злом. Но где и как пролегают эти границы?

Совесть и стыд, честь и честолюбие. В этой связи стоит обратить внимание на некоторую абсурдность выражения "чистая совесть". В нем не больше смысла, чем в словосочетаниях типа "круглый квадрат", "железная деревяшка". Совесть по определению не может быть чистой, поскольку ее сутью является эмоциональное переживание личностью своей *ответственности*. Она потому и совесть, что не чиста. Чистая же совесть - это отсутствие совести.

Человек, если он человек, не может не сознавать свою ответственность за происходящее вокруг него. И чем более развита личность, тем шире сфера ее ответственности. Чистая же совесть - это отсутствие совести. Чем "чище" совесть, тем она "грязнее". Если человек говорит - "Моя совесть чиста!", - значит, он хочет уйти от ответственности, отказаться от нее и от себя самого. Сказать "Моя совесть чиста!" ("Мне не стыдно!") - по существу, это означает то же самое, что сказать "Меня здесь нет!".

5. Стыд, честь и честолюбие. В признании соответствия личности социальным нормам определенной культуры, к которой личность себя относит коренится такая социально-культурная эмоция как честь и связанное с нею переживание гордости. Переживанием собственного несоответствия таким нормам и образцам выступает стыд. Оступиться, перейти черту стыда - навлечь позор и одновременно - лишиться чести. Стыд суть сокровенное личности, то, что нежелательно открывать публично обозрению (позору). В этом плане стыд есть эмоциональное проявление совести, которая сама суть эмоциональное переживание личностью своей ответственности.

Стыд - феномен присущий только человеку, одно из качеств, существенно отличающих человека от животного. В определенном смысле от стыда производна сама личность, в нем она проявляется – как социальная жизненная позиция. Границы личности совпадают с границами стыда - личность там и тогда, где и когда ей может быть стыдно. Человеку стыдно тогда, когда ему есть что скрывать, то, за что он ответственен. Именно стыд оказывается "хранителем личности". Чем более нравственно развита личность, чем глубже и шире сфера стыдного для нее.

Стыд – не просто переживание боязни неудачи. Показательны в этой связи парадоксы стыда, выявленные при исследованиях мотивации избегания неудач. Оказалось, что личности, ориентирующиеся в большей степени на избегание неудач, ведут себя парадоксально: они непостоянны и ненастойчивы в решении легких задач и проблем, но зато проявляют удивительную настойчивость в решении трудных и даже сверх трудных проблем - жизненных, профессиональных, учебных!

За избеганием неудач и стыдом могут крыться завышенные притязания и амбиции, все та же гордыня. Действительно, иной стыд и иная скромность сродни гордыне, оказывающейся их подоплекой и изнанкой. Не зря говорят, что уничтожение паче гордости. Я, мол, вот какой скромный. Такой горделивый стыд может завладеть целыми социальными слоями, как это имело место с российской интеллигенцией в последние полтора столетия.

С другой стороны, “стыдливые избегатели неудач”, в отличие от стремящихся к внешнему успеху “гордецов”, свои достижения склонны объяснять легкостью проблемы, случайно благоприятным стечением обстоятельств, но меньше всего - собственными заслугами: “так уж вышло”. А вот неудачи они склонны приписывать собственной неопытности, неловкости, отсутствию способностей и т. д. Поэтому, беря на себя причины неудач, они легче переносят различные “удары судьбы”. Тогда как “гордецы”, ориентирующиеся на внешнее признание достижение успеха, склонны винить в своих несчастьях других, обстоятельства, не берут на себя ответственность за случившееся. Это делает такую личность чрезвычайно и во всем зависимой от внешних обстоятельств и других людей. Такой человек - не хозяин своей жизни и судьбы. Стыдливые же оказываются более жизнестойкими, поскольку ответственность за случившееся предпочитают брать на себя в максимальной степени, винят в этом самих себя и в себе же ищут возможности и ресурсы преодоления жизненной или творческой проблемы.

Столь же нравственно неоднозначна и проблема чести. Так христианский идеал святости не знает чести. Не случайно - как безнравственные отвергаются христианством такие способы “защиты чести”, как дуэль или самоубийство. Дуэлянты и самоубийцы - настоящие “невольники чести”. Показательны, в этом плане, знаменитые и трагические дуэли - пушкинская и лермонтовская, оборвавшие жизнь великих русских поэтов. В этом невольничестве дуэлянтам подобны и самоубийцы. К суициду - самоуничтожению - приходят не те, кто не хочет жить, а те, кто хочет жить слишком - люди с завышенными претензиями к жизни и амбициями, те, которые никак не могут привести к общему знаменателю свои стремления и возможности, свои “хочу” и “могу”.

Всякая честь кастова и корпоративна - в том смысле, что связана с нормами вполне конкретной общности, группы, субкультуры. Есть офицерская честь, мужская честь, профессиональная честь - и у каждой профессия своя. Нет чести вообще, всегда есть какая-то конкретная честь. Честь и стыд испытываются перед кем-то, а перед кем-то и нет. Дворянская честь - это нравственное поведение с дворянами и перед ними, но не перед смердами. Обесчестить холопку - не стыдно, соблазнить же дворянку недопустимо - чревато утратой чести. То же касается и рыцарской чести, и профессиональной.

Честолюбие одной природы с несвободой. Недаром представления о чести наиболее ярко проявляются в сферах не свободных: армии, местах лишения свободы, когда человек вынужден выполнять не свои решения и не свою волю. В таких сферах обязательны иерархия подчинения, чины, знаки отличия, знаки поощрения, униформы, привилегии, медали, ордена, значки, чтобы было видно - кому какая честь положена.

Другое - в сферах научного и художественного творчества. Здесь человек занят деятельностью не по долгу, а по призванию. Для человека значима сама возможность заниматься любимым делом, а не возможные награды и чины. Серьезный художник, ученый, любая творческая личность, мастер творят не ради чинов и наград, знаков отличия, которые даже противопоставлены творчеству, сводя все к погоне за честью, т.е. тщеславию и честолюбию.

3.9. Отклоняющееся поведение и его виды

1. Норма и отклонения. На протяжении всей человеческой истории общество всегда стремилось и стремится устранить нежелательные отклонения в поведении от социальных норм и образцов. "Так нечестно", - говорят приятели со двора и отворачиваются от нарушившего неписаные правила "кодекса дворовой чести". Малыш по неловкости уронил чашку, и мать наказывает его. А по достижении определенного возраста за некоторые поступки приходится отвечать – имуществом или свободой. В этой связи говорят о девиантном поведении или девиации (от слова *deviatio*, отклонение от назначенного пути).

Следует только помнить о двух важных обстоятельствах. Во-первых, ключевым моментом в понимании девиации и выработки мер по отношению к ней являются представления о норме. Еще не так давно, в СССР религиозность, предпринимательство и борьба за права человека считались социальными патологиями и активно преследовались вплоть до судебных мер или принудительного лечения. Представления о нормах соответствуют динамике общественного развития, следуют за ним и выражаются обычно в действующем законодательстве и общественной морали.

Во-вторых, отклонение от нормы может быть двояким: как положительным, так и отрицательным. Первый вид отклонений способствует развитию социальной системы и поэтому, в принципе, желателен для общества. Примером подобного отклонения является любо творчество - оно всегда связано с порождением чего-то нового, а значит - связано с преодолением (нарушением) сложившихся привычек, норм, традиций. Второй же вид отклонения, собственно девиация, способствует не развитию, а дезорганизации общественной жизни, разрушителен для общества. Недаром подобное отклоняющееся поведение иногда еще называют социальными патологиями – социальными болезнями.

Современникам не всегда удается четко и однозначно различать творчество и девиацию. Хорошо известно, что первоначально творческие прорывы в науке, искусстве, религии воспринимаются как преступления против общества, общественной морали, хулиганство, а то и душевная болезнь творцов. Тем не менее, имеется довольно четкий критерий распознавания девиации "от противного", т.е. от того, что ею не является.

2. Виды социальных патологий и их последствия. Социальной патологией являются такие формы поведения, которые, если бы их придерживались все члены общества, привели бы к невозможности развития, а то и к гибели этого общества. Типичными, наиболее распространенными – а оттого и наиболее социально опасными формами подобного поведения являются алкоголизм, наркомания, преступность, проституция, гомосексуализм.

Наиболее распространенной формой девиантного поведения является алкоголизм – неумеренное потребление алкоголя, становящееся образом жизни (пьянство) и ведущее к психофизиологической зависимости от алкоголя. В РФ алкоголизм – преимущественно мужская форма девиации: мужчин среди алкоголиков в четыре раза больше женщин. Большей частью это люди, занятые малоквалифицированным трудом, лиц с высшим образованием – менее 6%. Алкоголизм – крайне нежелательная социальная патология, поскольку ведет к тяжелым последствиям – таким как серьезные заболевания (в первую очередь – сердечно-сосудистые, цирроз печени) и преждевременная смерть; травматизм в быту, на производстве, на транспорте; близкие теряют полноценного члена семьи, а общество – работника и гражданина. Это влечет за собой деградацию личности, социальную деградацию.

Еще более опасной девиацией является наркомания – потребление веществ, способных вызвать психическую и физическую зависимость, которая выражается в нестерпимо остром душевном и физическом дискомфорте (абстиненция, «ломка»),

расстройстве психики. Человек просто не может жить без очередной дозы наркотика, идет на все – только бы ее заполучить. Негативные последствия наркомании – те же, что и алкоголизма (алкоголь – фактически, разновидность наркотиков), но в более острой и тяжелой форме. Особая опасность наркомании связана с медицинским фактом – большей предрасположенностью и быстро наступающей зависимостью от наркотика организма в подростковом возрасте. Недаром наркоторговцы стремятся, прежде всего, вовлечь в пагубное пристрастие именно подростков.

Самой тяжелой формой социальных патологий является преступность – поведение, достигшее степени общественной опасности (для здоровья и жизни окружающих, личной и общественной собственности), определяемой уголовным законодательством. Спектр преступности весьма велик: от мелкого хулиганства и тихого воровства до вооруженного разбоя и убийства. Особую опасность представляет организованная преступность (бандитизм, банды), поскольку она связана с наиболее тяжкими преступлениями, вербовкой новых членов, способна ставить под свой контроль целые регионы и отрасли экономики.

Формой социальной патологии является и самоубийство (суицид). Вызвать его могут глубокая личная трагедия, тяжелая болезнь и неизлечимый диагноз. Но главной причиной выступает смысложизненная утрата – человек не видит смысла в своем дальнейшем существовании. Более того, суицид – очень жесткий индикатор нравственной несостоятельности общества, жить в котором не хотят и не могут. Поэтому человек, попавший в кризисную ситуацию нуждается в особо внимательном отношении окружающих, родных, близких, друзей. Однако каковы бы ни были причины, суицид никак не может быть социальной нормой: сбавывает все тот же простой критерий «а ну как все» - становится ясной крайняя нежелательность этой девиации.

Под этот же простой критерий подпадают и такие формы девиации, как проституция и гомосексуализм, последствиями которых также достаточно негативны и тяжелы: как для личности (высокий риск тяжелых заболеваний, деградация личности), так и для общества – обе девиации весьма тесно связаны с преступностью, наркотизацией и алкоголизмом.

3. Причины социальных патологий. Каковы причины этих отклонений? В известной степени можно говорить о факторах биологической предрасположенности к девиации, связанных с наследственностью, особенностями психики, темперамента. Однако решающую роль играют все-таки социальные причины, такие как социальное неравенство, неустроенность, невозможность полноценной самореализации.

Так, интенсивные социальные преобразования в России конца XX столетия, в первую очередь - приватизация привели к резкому и нарастающему социальному расслоению населения на малочисленный слой очень богатых и большинство, испытывающее серьезные проблемы со своим жизнеобеспечением. Вызванные этим чувства несправедливости, а то и просто зависти, тяжелые жизненные условия – все это вызвало не менее резкий рост преступности, других форм социальных патологий.

На короткое время девиация может дать видимость решения личных проблем. Алкоголь, наркотик могут принести краткое забвение, утешение, даже поднять на час-два жизненный тонус. Преступление, проституция – принести некоторый доход. Но последствия и расплата наступают, и весьма тяжелые.

Различные формы девиантного поведения тесно связаны, переплетаются друг с другом, дополняют друг друга. Факт, что алкоголизм, наркомания и токсикомания оказываются, как и проституция и, зачастую, гомосексуализм, не только «ходят под ручку» друг с другом, но и тесно связаны с преступностью. Поэтому девиантное

поведение может рассматриваться и как симптом, сигнал, предупреждающий о неблагополучии в каких-то областях общественной жизни. Характерно, что в периоды, когда от общества требуется консолидация, общее напряжение сил по преодолению угрозы или опасности, например, во время войны или политического кризиса уровень социальной девиации обычно резко снижается.

Объективный характер социальных патологий показывает, что девиантное поведение неустранимо полностью в любой культуре и в любом, в том числе - процветающем обществе. Если в обществе существуют нормы, то неизбежны будут и отклонения от них. Девиация во многом суть порождение динамики развития общества, в нем всегда будут неудачники, люди, выпадающие из "нормальной" социальной деятельности. Поэтому полностью, раз и навсегда устранить, отсечь негативную девиацию невозможно. Так же, как если у магнита отрезать, скажем, южный полюс, то в результате получатся два магнита с обоими полюсами, также и борьба с социальной девиацией отнюдь не сводится к радикальному ее искоренению, репрессиям и "социальной хирургии", а требует вдумчивого и комплексного подхода.

3.10. Формы социального контроля, профилактика отклонений

1. Социальный контроль отклоняющегося поведения. Социальные отклонения патологического плана весьма опасны для общества, Кроме того, они выступают очевидными симптомами социального неблагополучия. Поэтому общество всегда уделяет немало внимания контролю за социальными девиациями. Речь идет о широкой шкале мер от традиционных методов семейного и школьного воспитания, убеждения до санкционированных правом мер наказания.

Социальный контроль - это совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные (негативно отклоняющиеся) формы поведения с целью их элиминирования устранения или же минимизации. По сути дела он представляет собой механизм саморегуляции социальных систем (групп, коллективов, организаций, общества в целом), осуществляющий ее посредством морального, правового, административного регулирования поведения людей. Задачей социального контроля является обеспечение устойчивости социальной системы, сохранения социальной стабильности и одновременно – условий для позитивных социальных изменений.

Различается несколько уровней социального контроля. К основным его средствам относятся ценности, как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов, а также соответствующие им социальные нормы (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода), т.е. правила, образцы, эталоны поведения, устанавливаемые государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности.

Наиболее простой путь передачи правил и ценностей - личный пример и подражание. К социальному контролю относятся также меры по реализации предписаний (норм), меры ответственности лиц, нарушающих принятые нормы, а в некоторых обществах (в частности, архаичных и тоталитарных) и лиц, не разделяющих провозглашаемые ценности. К социальному контролю относится и поощрение одобряемых форм деятельности, соответствующих общественным ценностям и нормам (позитивные санкции).

Наконец, под социальным контролем понимаются и специфические меры, направленные на предупреждение правонарушений, преступлений, иного девиантного поведения. К таким методам социального контроля относятся: принуждение, наказание или иные формы негативных санкций; поощрение, награда или иные формы позитивных санкций.

В самом общем виде можно говорить о двух основных формах социального регулирования поведения: правовом и моральном регулировании. В первом случае речь идет о регуляции, основанной на соблюдении принятых законов (гражданского, административного, трудового или уголовного права). Правовое регулирование во многом унифицировано, жестко, его формы принуждения включают в себя насилие, вплоть до ограничения свободы и даже (за особо тяжкие и опасные для общества преступления) – смертную казнь. Моральное регулирование основано на традиции, личном примере, общественном мнении. В обоих случаях речь идет о мерах поощрения и наказания, принуждения и убеждения.

Социальный контроль осуществляется как извне, так и сознанием самой личности. Внешний контроль осуществляется родителями, друзьями, общественным мнением, а также с помощью правовой системы. На основании судебных решений человек может быть наказан – условно или в виде штрафных санкций, а также более жестко – вплоть до лишения свободы, принудительного лечения. Для этого существуют специальные учреждения (лагеря, тюрьмы, специальные лечебницы). Случались в истории и срывы в меры, связанные с жестоким насилием, даже массового характера: охота на ведьм, суды инквизиции, сталинский террор, борьба с инакомыслием в советское время.

Веками наказания носили жесточайший, устрашающий характер. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания». Он проявляется, в частности, в том, что, во-первых, после второй мировой войны наблюдается непрекращающийся рост уровня зарегистрированной преступности в большинстве стран, несмотря на все принимаемые меры. Во-вторых, хорошо известно, что человечество испытало за свою историю все мыслимые виды уголовного наказания, но ни один из них не приводил к желаемому результату. В-третьих, уровень рецидива (повторного преступления) относительно стабилен и не снижается под воздействием карательных мер. Наконец, в-четвертых, многочисленными психологическими исследованиями установлено, что длительное (свыше 5-7 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям в психике человека. Можно говорить о губительном (а отнюдь не "исправительном" и "перевоспитательном") влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных: тюрьма служит не местом исправления, а школой криминальной профессионализации. А длительная изоляция молодых людей в однополном коллективе порождает букет сексуальных отклонений. В сообществах заключенных, как во всяком сообществе, происходят процессы самоорганизации. Поощряемый администрацией "актив" не пользуется доверием заключенных, а управляют их сообществом "авторитеты", постольку и администрация вынуждена с ними считаться, закрывать глаза на их "привилегии", нередко осуществляя свою политику поддержания "порядка" и выполнение плана фактически через них.

Острые дискуссии вызывает вопрос о целесообразности наиболее жесткой формы наказания - смертной казни за совершение тяжких преступлений. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран смертная казнь отменена *de jure* (юридически) или не применяется *de facto* (фактически). Так, в Европе она сохраняется только в Албании и странах СНГ, в Латинской Америке - фактически только на Кубе (сохраняясь, например, в законодательстве Аргентины, смертная казнь там не применяется). Наибольшее количество смертных казней зарегистрировано в Ираке, Иране, Китае, Нигерии, Пакистане.

Репрессивные меры неэффективны. Исторический опыт демонстрирует неэффективность репрессивных мер по отношению к социальной девиации. Более того, зарубежный и отечественный опыт второй половины XX столетия ставят сложную проблему "кризиса наказания" выражающуюся в росте преступности,

несмотря на ужесточение законодательства, неэффективности системы осуществление наказаний (тюрем, колоний и т.п.). Наиболее эффективное предупреждение преступлений достигается не просто временным подавлением нежелательных форм поведения, а их постоянным вытеснением, заменой их на социально одобряемые, полезные обществу и индивиду формы и виды поведения. Насилие же рождает только насилие.

Жесткое наказание уместно в случае принуждения к проституции и гомосексуализму, втягивание в них несовершеннолетних. Если же человек уже стал алкоголиком, наркоманом, заразился венерическим заболеванием, то он нуждается в помощи - медицинской, психологической, социальной, а отнюдь не в наказании.

2. Профилактика девиаций и социальная самоорганизация. Давно замечен факт: в небольших поселках, жители которых лично друг друга знают, люди с большей терпимостью относятся к друг к другу, а возникающие конфликты чаще всего склонны решать между собой сами без вмешательства и санкций извне. Да и сами-то формы социальной девиации в таких поселениях не носят обычно опасного характера, не выходят за рамки "чужачеств", безопасных для окружающих.

Чем сплоченнее общество, тем в большей степени характерна для него атмосфера взаимной ответственности и уважения чужой свободы, тем более гуманен в нем социальный контроль и тем в меньшей степени оно нуждается в жестких репрессивных мерах по регулированию отклоняющегося поведения. В таких сообществах главным регулятором социального поведения становится не столько право, сколько мораль и общественное мнение. В разобщенном сообществе (например, в больших городах, где жители одного дома и даже подъезда плохо знают друг друга) создается среда, благоприятная как для опасных для окружающих девиаций, так и для восприятия их таковыми общественным мнением и, как следствие, надеждой на безличные репрессивные санкции. Поэтому самой действенной формой социального контроля является оздоровление общества, его консолидация, формирование в нем механизмов общественного самоуправления, создание условий полноценной самореализации.

В российских условиях особую роль играет просвещение, формирование СМИ, учебными учреждениями, просветительскими организациями, учреждениями культуры разумного, терпимого и милосердного отношения к инакомыслящим и инакодействующим. Речь идет не о всепрощенчестве, а именно о терпимости и понимании, столь важных в межлических отношениях. Важное значение имеет подготовка социальных работников - специалистов новой для России профессии, способных принять на себя реализацию эффективного социального контроля и социальной помощи. Речь идет о нравственном и духовном развитии граждан на принципах свободы совести, индивидуального поиска смысла жизни, поскольку его отсутствие или утрата - существенный фактор социальных девиаций.

3. Общественное саморегулирование. Субкультуры. Человек как социальное существо не принадлежит абстрактному обществу вообще. Его социальность всегда реализуется и регулируется в конкретных общностях: семье, дворовой компании, компании школьных сверстников, трудовом коллективе, профессиональной группе. И для каждой из таких общностей характерны свои нормы, ценности, традиции и герои, предания и легенды, нередко - язык или жаргон. Культура (в том числе - национальная) всегда предстает не монолитным единством, а единством многослойным, многоукладным, наполненным пестротой быта нравов, обычаев.

Наиболее заметны в любом обществе выделяющиеся в нем возрастные, профессиональные, досуговые (по предпочитаемым занятиям в свободное время),

религиозные, этнические общности. На их основе возникают и развиваются так называемые субкультуры или культуры отдельных групп, из которых состоит общество в целом. Отдельные личности, принадлежащие таким группам, наиболее комфортно ощущают себя именно в наиболее близкой им культурной среде, находя в ней "дом своей души".

Люди всегда входят в некие профессиональные, возрастные, региональные и прочие сообщества, образующие «субкультуры». Такие субкультуры выполняют в обществе чрезвычайно важные функции. Они объединяют людей в конкретные общности, сдерживают возможные конфликты и напряжения, создают условия для становления и формирования личности, ее самореализации, оценки и самооценки. Трудности самореализации личности в "большой" культуре могут, таким образом, компенсироваться ее самореализацией и самоутверждением в субкультуре. Субкультуры во многом выступают механизмом развития совокупной культуры общества, выступая проводниками и носителями новых идей. Некоторые субкультуры, наоборот, способствуют сохранению каких-то норм и традиций. В этой связи различают субкультуры *охранительно-закрытые* (например, религиозные общности), *компенсаторно-агрессивные* (например, футбольных болельщиков-фанатов), *коммуникативно-открытые* (например, туристы).

Если традиционные национально-этнические культуры возникли преимущественно с сельской местности, природной среде обитания (как данное сообщество вписалось в кормящий ландшафт, таковы и будут еда, одежда, жилище, ритм жизни), то в современном обществе основным источником формирования и развития новых культур стала городская среда. В городах, особенно в мегаполисах стали возникать невиданные ранее субкультуры.

Молодежные субкультуры. Подчеркнуто собственной спецификой отличаются молодежные субкультуры: хиппи, панки, рокеры, рэйверы, металлисты, яппи и другие. Каждую из них отличает свой язык (сленг), стиль общения и одежды, украшений, способы времяпровождения. Можно говорить о нескольких основных причинах, обуславливающих возникновение молодежных субкультур. Некоторые особенности современной цивилизации способствуют удлинению периода между детством и полноценной зрелостью. Это "затянувшееся детство" или "пост-юношество" создает особую атмосферу беззаботной молодости, стремления успеть насладиться ею. С этим же связан и все больший рост влияния сверстников на формирование личности, по сравнению со школой и даже семьей. Эта все возрастающая "суверенизация" молодости приводит даже к росту влияния молодежной культуры на культуру взрослых. Проявляется это не только во влиянии молодежной моды, сленга, но также и в формах проведения досуга, а иногда и в искусстве, художественном и техническом творчестве, образе жизни в целом.

Научное сообщество как субкультура. Специфическими субкультурой является научное сообщество, само, в свою очередь, делящееся на субкультуры по научным дисциплинам. Но всех их объединяет так называемый "научный этос" - представления о допустимом и недопустимом в поведении настоящего ученого. Критериями научности являются объективность, независимость во взглядах, бескорыстие, бесстрастность и критичность по отношению к любому авторитету, интеллектуальная скромность и открытость к критике. Эти критерии закрепляются в специальных процедурах, формальном и неформальном общении (вузовская подготовка, аспирантура, экспертизы, защита диссертаций, научные сообщения и публикации, их отбор и редактирование, популяризация). Тем самым обеспечивается формирование и воспроизводство научных сообществ, контроль за их деятельностью, организация коммуникации и общения, влияние на другие общественные сферы: органы власти, деловой мир, образование.

Субкультура современного бизнеса. Показательна роль и значение субкультур на примере финансово-промышленных групп. Не случайно в современном менеджменте, как теории и практике управленческой деятельности, все больше на первый план выходят вопросы так называемой "корпоративной культуры", обеспечивающей формирование и реализацию "корпоративного духа". Корпоративная культура включает в себя не только фирменный стиль, информационный дизайн документации (эмблема, логотип, шрифты, цвет), оформление упаковки товаров, интерьер офиса и производства, внешний вид персонала, но и писанный или неписанный кодекс поведения, идеологию фирмы, стиль общения руководителей с подчиненными и между коллегами, способы проведения свободного времени, социальной поддержки не только работающих, но и больных, пенсионеров. На каждой фирме неизбежно складываются свои традиции, праздники, практически все компоненты любой культуры - вплоть до своего фольклора (легенд, анекдотов, шуток, поговорок). Современная фирма все в большей степени предстает как полноценная субкультура, формирующая некоторое нормативно-ценностное сознание "мы". Такая корпоративная субкультура может даже выходить за рамки фирмы, втягивая в свою сферу и потребителя (стиль "Кока-кола", стиль "Харлей-Дэвидсон"). На достижение этих целей направлены современные технологии менеджмента, рекламы, развития связей с общественностью (Public relations).

Субкультуры, выступая промежуточным звеном между личностью и обществом, воздействуют на сознание человека, на его эмоциональную жизнь. В этом процессе огромную роль играют образцы, личный пример, подражание, формирующие представления о допустимом и недопустимом, правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, честном и бесчестном.